K100 3/25

К 70 2/239
К 100 8/25

Юрій Шамуринъ.

Два года въ германскомъ плѣну.

Изданіе Т-ва „Образованіе“
МОСКВА
1917.

Тип. «Общественная Польза». Москва.

Юрий Шамурин
К 76 2/239
К 100 8/25
1319

Мнѣ поручено товарищами, оставшимися въ плѣну, написать эту книгу. Они хотятъ, чтобы на родинѣ знали правду о германскомъ плѣнѣ: они еще надѣются на помощь и заступничество.

Москва,
30-го августа 1917 г.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 10397
22/IV 1936 г.
М

Я провелъ въ плѣну въ Германіи 25 мѣсяцевъ и въ іюлѣ 1917 года былъ возвращенъ на родину, какъ инвалидъ. Я много пережилъ и видѣлъ самъ за это время, но еще больше слышалъ разсказовъ отъ другихъ военноплѣнныхъ, тысячи которыхъ прошли передо мной.

Каждый изъ нихъ—безпомощный, измученный, тянулся къ намъ, къ „образованнымъ", точно мы могли помочь чѣмъ-нибудь, „найти на германа управу", порадовать хоть какимъ-нибудь „слушкомъ" о мирѣ. Единственное, что я могъ для нихъ сдѣлать—поговорить съ ними по-человѣчески, выслушать ихъ страшную повѣсть о лишеніяхъ и униженіяхъ, подобныхъ которымъ человѣчество, навѣрное, уже не знаетъ нѣсколько вѣковъ.

Изъ моихъ личныхъ впечатлѣній, изъ этихъ безчисленныхъ разсказовъ, къ которымъ я относился очень осторожно, отбрасывая недостовѣрное и преувеличенное, у меня составилась полная картина отношенія германцевъ къ нашимъ плѣннымъ и положенія этихъ плѣнныхъ за всѣ три долгихъ года войны.

Я ничего не преувеличилъ и не выдумалъ; я пишу спокойно, не давая воли своей ненависти ко всему германскому, которая не утихнетъ, навѣрное, никогда. Я боюсь обратнаго: я боюсь, что мнѣ не удастся изобразить весь тотъ невыносимый духовный гнетъ, которымъ сдавила насъ, плѣнныхъ, Германія.

Самое страшное, что осталось въ памяти, не голодъ, не всякія лишенія, не побои даже. Все это легко забыть, перенеся отвѣтственность съ германскаго народа на войну. Но вѣдь насъ нѣсколько лѣтъ не только называли свиньями, но и относились какъ къ свиньямъ, такъ, какъ безсердечные люди относятся къ противному животному. Намъ каждый мигъ старались показать, какъ мы ничтожны по сравненію съ повелѣвающимъ нами высококультурнымъ народомъ. Насъ держали въ безпрестанномъ страхѣ, не давая ни одной минуты быть спокойными за свою жизнь; каждый приближавшійся къ намъ оплевывалъ и высмѣивалъ нашу родину для того, чтобы еще безпросвѣтнѣе давило насъ ярмо плѣна; отъ насъ требовали безличія раба и угодливости собаки — и добивались этого голодомъ, по-

боями, страхомъ и униженіями. Съ нами вѣдь германцы не братались!

Я не знаю, удастся ли мнѣ передать эту пытку германскаго плѣна, передъ которой ничтожны всякія сообщенія о жестокостяхъ и убійствахъ.

Въ первые мѣсяцы войны германскій народъ былъ охваченъ огромнымъ воодушевленіемъ: со всѣхъ фронтовъ неслись вѣсти о побѣдахъ. Бельгія раздавлена, Франція, потерявшая свои лучшія провиціи, разбита, истекаетъ кровью, Восточная Пруссія освобождена „отъ предательскаго набѣга“ русскихъ, на помощь побѣдоносной Германіи ожидается выступленіе Болгаріи, Румыніи, Швеціи, можетъ быть—Америки.

Итакъ — побѣда, полная, неожиданно легкая. Страна ликуетъ, опьяненная хмѣлемъ побѣды. На открыткахъ, на кружкахъ, на брошкахъ и браслетахъ, на носовыхъ платкахъ даже пишется новый лозунгъ: „Гордись тѣмъ, что ты германецъ“. („Sei stolz, dass Du ein Deutsche bist“). Въ это блаженное время Германія прямо задыхается отъ довольства собой, отъ гордости своей силой, своими солдатами, Гинденбургомъ, кайзеромъ и всѣмъ прочимъ. Надъ врагами-неудачниками злорадно смѣются; съ обычной нѣмецкой грубостью издѣваются надъ „пѣтушинымъ задоромъ“ французовъ, надъ вшивостью и оборванностью русскаго солдата... И вотъ въ среду этого народа, пьянаго отъ удачи, стали попадать въ видѣ плѣнныхъ враги, понурые, пришибленные пораженіемъ и голодомъ. Своимъ жалкимъ видомъ они наглядно показывали превосходство сытой и крѣпкой, побѣдоносной и культурной Германіи. Не жалость и не человѣческое сочувствіе къ врагу, уже безоружному и покорившемуся, будили они въ бронированныхъ германскихъ сердцахъ, а насмѣшку и злобу.

Въ первые мѣсяцы войны германцы вообще рѣдко брали плѣнныхъ: великодушіе къ врагу совсѣмъ не мирилось съ тѣми внушеніями грозности германской арміи, въ которыхъ воспитывались солдаты кайзера. Первые мѣсяцы войны германцы слѣдуютъ словами своего „обожаемаго монарха“: „Трава не должна расти тамъ, гдѣ прошелъ германскій солдатъ!“

Они руководятся правиломъ, выработаннымъ еще въ мирное время прусскими теоретиками военщины: „Чѣмъ война жесточе, тѣмъ она гуманнѣе“, потомучто безпощадность нагоняетъ ужасъ на противника, и онъ разбѣгается передъ „Божьей карой„ въ каскахъ и кованныхъ сапогахъ. Во всей полнотѣ эти теоріи проводились въ Бельгіи: два германскихъ солдата, продѣлавшихъ въ разныхъ полкахъ бельгійскую кампанію, разсказывали

мнѣ, что въ Бельгіи они плѣнныхъ не брали. Приказа не брать плѣнныхъ не было, но это, повидимому, вытекало само собой изъ настроенія арміи.

Однако, очень скоро выяснилось, что слѣдованіе этой теоріи броситъ весь міръ въ ряды враговъ Германіи, что безпощадность арміи не пугаетъ, а только ожесточаетъ противниковъ, и въ германской арміи, особенно среди командnаго состава, заиграли отбой. Въ концѣ 1914 года германское офицерство сплошь и рядомъ старается сдерживать истребительный пылъ своихъ солдатъ. Нерѣдки случаи, когда офицеры крикомъ и угрозами прекращаютъ избіеніе сдавшихся въ плѣнъ.

Почти каждый русскій плѣнный, взятый германцами въ первое время войны, подвергался издѣвательствамъ и побоямъ, потерялъ нѣсколькихъ товарищей, заколотыхъ безъ всякихъ поводовъ, „сдуру“, со злобы.

Первые рускіе плѣнные были взяты въ Восточной Пруссіи. Въ ярости по отношенію къ нимъ мирные жители соперничали съ солдатами: вѣдь эти враги наводнили ихъ землю, согнали ихъ съ мѣстъ; и германцы безъ различія пола и возраста относились къ плѣннымъ не такъ, какъ относятся съ давнихъ поръ къ честному противнику на войнѣ: совершался какой-то самосудъ взбѣшенной толпы надъ остатками отступившей русской арміи. Мнѣ разсказывалъ плѣнный Я. Ш., взятый въ плѣнъ 13 августа 1914 года въ окрестностяхъ Алленштейна, какъ онъ получилъ пять ранъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ, раненый въ руку, былъ оставленъ вмѣстѣ съ другими ранеными въ лѣсной сторожкѣ; подъ вечеръ онъ услышалъ, что приближаются германскіе солдаты, вышелъ и крикнулъ по-нѣмецки: „Не стрѣляйте, здѣсь раненые!“ Нѣмецкій унтеръ офицеръ скомандовалъ: „Стой прямо!“ Ш. остановился. Въ него стали стрѣлять: двѣ пули попали въ грудь, одна въ руку, уже раненую, одна въ плечо; онъ упалъ, а германцы, обстрѣлявъ сторожку, пошли дальше...

Подобныхъ случаевъ немного станетъ извѣстно: вѣдь тѣ, надъ кѣмъ особенно потѣшались германцы, не остались въ живыхъ!

Хуже всего пришлось захваченнымъ въ плѣнъ остаткамъ нашихъ арьергардовъ при отступленіи изъ Восточной Пруссіи. Привожу одинъ разсказъ изъ ряда однообразныхъ и жуткихъ повѣстей, слышанныхъ мною отъ солдатъ 270 го, 107 го, 108-го, 213-го, 215-го и другихъ полковъ. Почти всѣхъ ихъ при взятіи въ плѣнъ били, затѣмъ запирали и объявляли, что сегодня они будутъ разстрѣляны; и въ ожиданіи казни одни томились нѣ-

сколько часовъ, другіе — сутки, нѣсколько сутокъ, пока имъ, истомленнымъ ожиданіемъ смерти, не объявляли, что казнь отмѣняется. Ефрейторъ І. Д. *) былъ взятъ со своимъ отдѣленіемъ. Германскій офицеръ потребовалъ признанія, что они составляютъ „Brandcommando“ (команда поджигателей). Не добившись признанія, онъ заявилъ, что это уже установлено свидѣтельскими показаніями, что всѣ они будутъ разстрѣляны за поджоги деревень. Ихъ заперли въ разрушенномъ сараѣ. Вокругъ собрались „мирные“ жители, бросались камнями и навозомъ; германскіе часовые по просьбѣ ихъ и по ихъ указанію избивали прикладами то того, то другого плѣннаго.

Когда ихъ вели черезъ деревни по дорогѣ въ Тильзитъ толпы жителей, начиная отъ ребятъ и кончая старухами, били палками, обливали кипяткомъ, стрѣляли въ плѣнныхъ изъ револьверовъ.

Унтеръ-офицеръ О. **) не хотѣлъ отдать германскимъ солдатамъ своихъ сапогъ; одинъ изъ нихъ, хорошо говорившій по-русски, направилъ на него винтовку и, издѣваясь много разъ командовалъ: „Ложись, вставай! Ложись, вставай!“

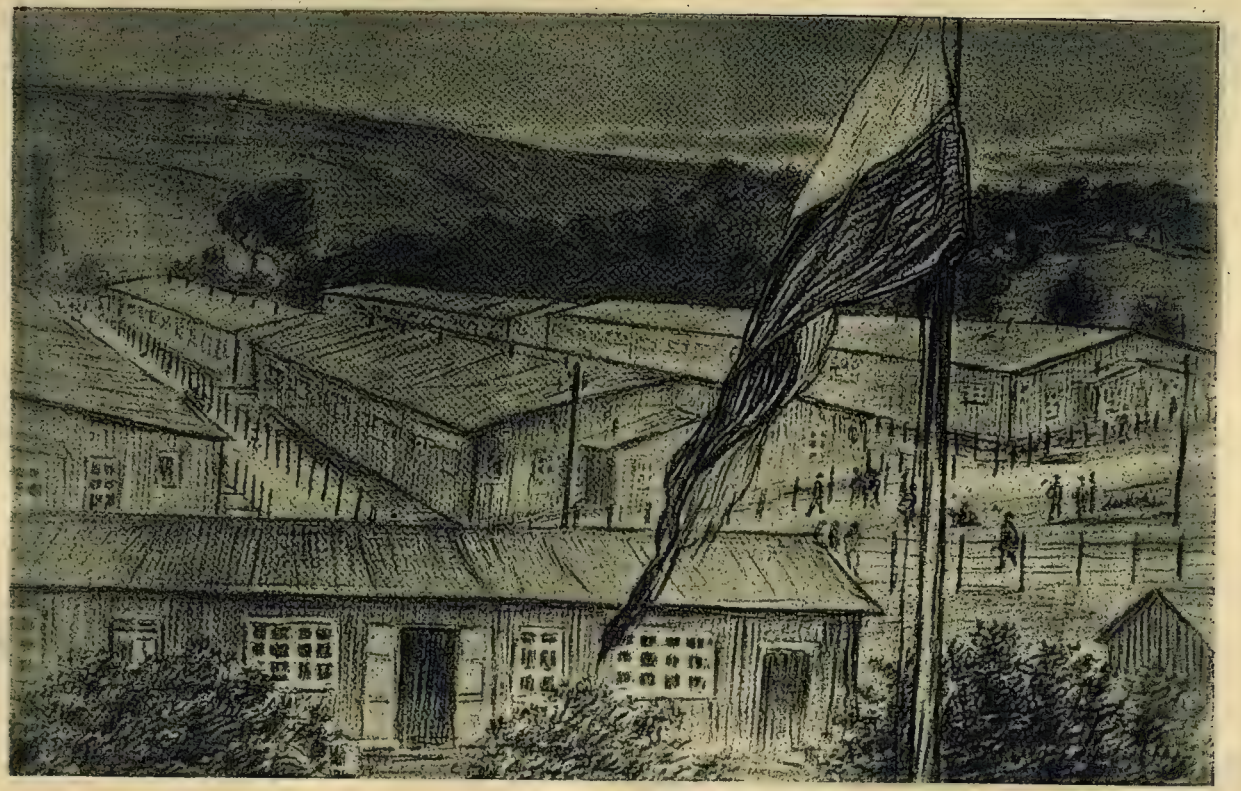
Подобныя подлыя издѣвательства являются въ глазахъ германцевъ невинной солдатской шуткой. О такой шуткѣ разсказывалъ мнѣ въ Тильзитѣ раненый солдатъ Приморскаго драгунскаго полка. Его взяли въ плѣнъ германскіе уланы. Когда онъ стоялъ обезоруженный на землѣ, германскій офицеръ сталъ долго, внимательно цѣлиться въ него изъ револьвера; плѣнный мучительно долго ждалъ выстрѣла и смерти. Не выстрѣливъ, офицеръ опустилъ револьверъ и что-то сказалъ своимъ солдатамъ: тѣ засмѣялись. Онъ снова навелъ револьверъ и опять долго, драгуну показалось — нѣсколько минутъ, цѣлился, и такъ нѣсколько разъ; потомъ выстрѣлилъ и прострѣлилъ плечо.

23 мая 1915 года я съ нѣсколькими другими солдатами 223 Одоевскаго полка былъ взятъ въ плѣнъ. Насъ держали невдалекѣ отъ окоповъ, на опушкѣ березовыхъ зарослей. Мы слышали, что по близости расположились германскіе солдаты, былъ слышенъ ихъ разговоръ и смѣхъ; неожиданно раздался въ той сторонѣ сдавленный оборвавшійся крикъ: „Не стрѣляйте“.

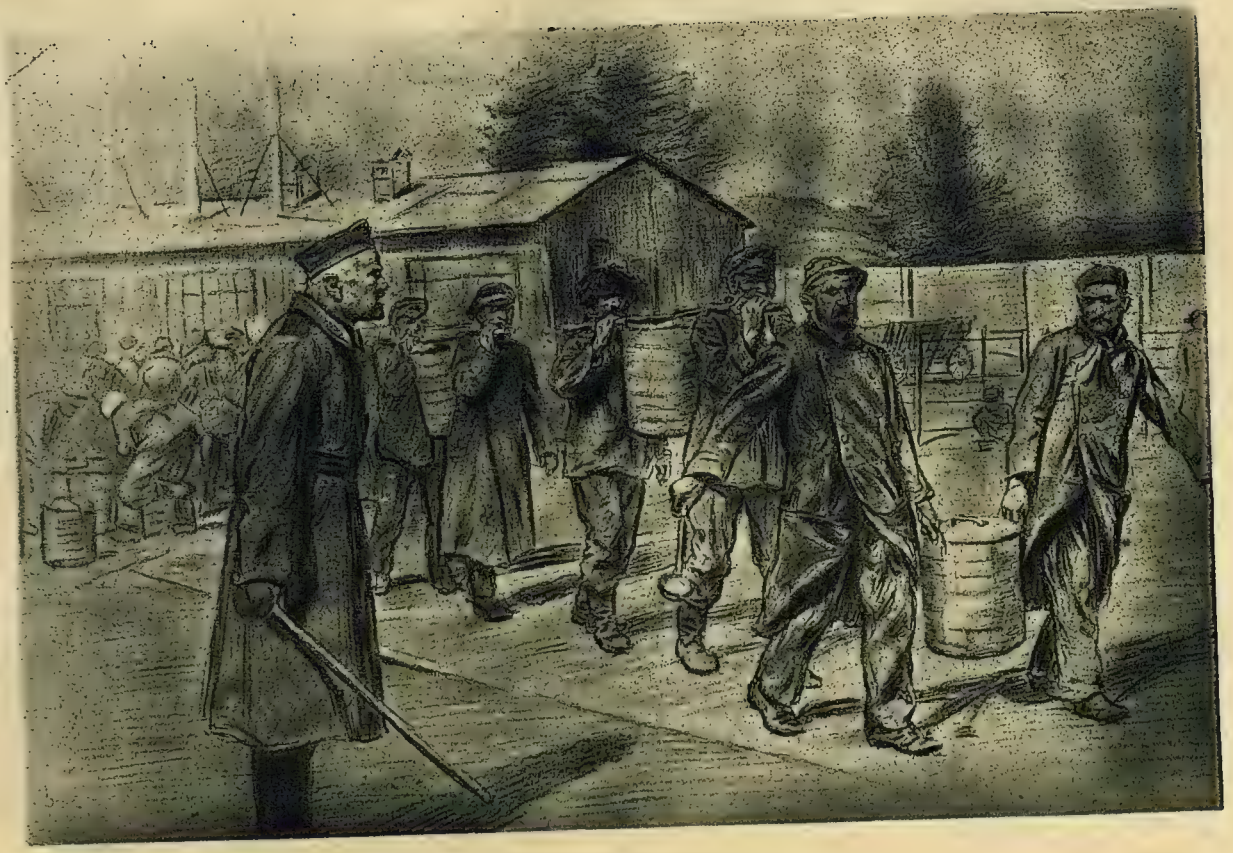
---

*) 270-го Гатчинскаго полка, взятый въ плѣнъ 30-го августа 1914 г. въ окрестностяхъ Тильзита. Я бы хотѣлъ называть полныя имена и фамиліи, но это невозможно, пока люди, давшіе мнѣ свѣдѣнія, находятся въ германскомъ плѣну.

**) 218-го Борисоглѣбскаго полка, взятый въ плѣнъ въ іюлѣ 1915 г. подъ Остроленкой.



Видъ лагеря для военноплѣнныхъ въ Лангензальца (Саксонія)



Раздача обѣда въ германскомъ лагерѣ для военноплѣнныхъ.

Затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Намъ ясно стало, что германцы застрѣлили плѣннаго русскаго.

Обычно, взявъ въ плѣнъ, германцы, со свойственной ихъ націи практичностью, отбираютъ у плѣнныхъ деньги, часы, кольца, табакъ и почти всегда — сапоги. Сапоги отнимаются даже зимой, какъ напримѣръ, это было въ февралѣ 1915 года въ Августовскихъ лѣсахъ. Иногда вмѣсто сапогъ выдаются какіе-нибудь опорки, чаще оставляютъ босыми, и люди идутъ босякомъ десятки верстъ по снѣгу и весенней распутицѣ, отмораживая и стирая до крови ноги. Удивительнѣе всего та хозяйственность и спокойствіе, съ которымъ отбираются у людей совершенно необходимыя имъ вещи: въ томъ и позоръ, что всѣ эти безчеловѣчныя жестокости, производимыя надъ плѣнными, совершались не распущенными мародерами, а дисциплинированными, владѣющими собой солдатами.

Караулъ, ведущій плѣнныхъ до станціи (часто приходилось пройти 100 — 150 верстъ), получаетъ инструкцію приканчивать изнемогшихъ и упавшихъ плѣнныхъ. Участь Платона Каратаева обычна и въ современной войнѣ!

Въ началѣ февраля 1915-го года одну партію плѣнныхъ вели отъ Гродно до Лыка безъ пищи восемь дней; многіе умирали отъ истощенія, многіе падали: ихъ оттаскивали въ сторону и пристрѣливали, а одинъ солдатъ 106 полка былъ приколотъ тутъ же на дорогѣ *).

Для перевозки плѣнныхъ въ Германію на мѣсто назначенія набиваютъ въ товарный вагонъ до 80-ти человѣкъ. Вагонъ наглухо запирается, путь часто продолжается 2—3 сутокъ. Закрыты не только двери, но и окна; послѣ такого путешествія въ каждомъ вагонѣ остается нѣсколько человѣкъ умершихъ.

На станціяхъ въ запертомъ, тѣсно набитомъ вагонѣ слышны чьи-то ругательства и насмѣшки на чужомъ языкѣ, но понятныя по интонаціямъ. Кто-то колотитъ снаружи палкой по стѣнѣ вагона...

Умершихъ въ вагонѣ оставляютъ до прибытія на мѣсто, да и нелегко въ темнотѣ и тѣснотѣ отличить живыхъ отъ мертвыхъ.

У меня сохранилось одно воспоминаніе, ярко рисующее настроеніе германскаго народа въ первый годъ войны и его отношеніе къ плѣннымъ. Въ іюлѣ 1915 года, какъ разъ въ день взятія Варшавы, насъ, нѣсколько сотъ русскихъ плѣнныхъ, привезли въ городъ Бютовъ (Померанія). Былъ уже поздній ве-

*) Это мнѣ сообщено очевидцами—писарями изъ штаба 27 дивизіи, бывшими въ этой партіи.

черъ. Насъ повели черезъ городъ. Площадь передъ вокзаломъ и всѣ улицы, по которымъ насъ проводили, были полны народа. Конвой для чего то, можетъ быть, чтобы порисоваться передъ толпой, велъ насъ очень быстро, почти бѣгомъ. Мы спотыкались, путались, а отставшихъ подгоняли ударами прикладовъ и пинками.

На всемъ нашемъ пути стояла толпа, провожала насъ свистомъ и хохотала; даже не хохотала, а выжимала изъ себя какой то дѣланный смѣхъ. Въ тускломъ свѣтѣ газовыхъ фонарей видѣлись злобныя лица, гогочущія, надрывающіяся отъ смѣха; дѣти, подражая взрослымъ, выбѣгали на мостовую и кричали, показывая на насъ пальцами. Было похоже на какую-то сказку о обѣснующемъ городѣ, или на домъ сумасшедшихъ.

Рядомъ со мной шелъ молчаливый пожилой татаринъ. Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ: „Что они смѣются, какъ пьяный?“ Гдѣ же ему, простому деревенскому человѣку, было понять изломанную, взвинченную ненавистью и воинственностью душу культурныхъ дикарей!

Надъ чѣмъ они смѣялись? Надъ тѣмъ, что мы измучены и оборваны? Вѣдь, можетъ быть, въ это самое время по улицѣ какого-нибудь русскаго города вели такую же толпу плѣнныхъ, въ которой были ихъ братья и сыновья?

Въ этотъ вечеръ вспомнилась мнѣ Волга, пристани въ Казани, пароходъ, привезшій плѣнныхъ австрійцевъ, жалостливые глаза бабъ, народъ, подающій австрійцамъ баранки и воблу...

Первыхъ плѣнныхъ пригоняли на мѣста, гдѣ было намѣчено устройство лагерей. Имъ самимъ приходилось строить бараки и проволочныя загражденія. Пока лагерь не былъ готовъ, плѣнные спали подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, хотя была осень и шли дожди: пища въ то время, если сравнить ее съ тѣмъ, что получаютъ военноплѣнные теперь, была не плохая: фунтъ хлѣба на день и фунтъ картошки на обѣдъ. Зато ужасно было обращеніе: германцевъ прямо мучалъ какой-то воинственный зудъ, и его тѣшили на беззащитныхъ плѣнныхъ; кто—презрительными взглядами, кто—руганью, гримасой какой-нибудь, или торопливымъ пинкомъ. Каждый, проходившій мимо, могъ бить плѣнныхъ, чѣмъ хотѣлъ и сколько хотѣлъ, а часовые стояли тутъ же, съ винтовками на руку, чтобы оградить избивающаго отъ всякихъ покушеній со стороны избиваемаго.

Это была какая-то оргія жестокости, нигдѣ, кромѣ Германіи, немыслимая. Только германскій народъ, въ рядѣ поколѣній отравленный ядомъ военщины, могъ пасть до такого звѣрскаго отупѣнія. Вотъ гдѣ не одинъ разъ становилось, по истинѣ, „за человѣка страшно“: вѣдь люди же они, эти палачи въ каскахъ? вѣдь можно же найти слова, доходящія до ихъ сердецъ, пусть грубыхъ, но все же человѣческихъ? Да такія слова есть: это лесть Германіи и отреченіе отъ Россіи...

Дисциплина для плѣнныхъ была введена очень строгая. Наказанія почти вездѣ носили жестокій и позорный характеръ, очень мало соотвѣтствующій степени вины. Наказывали поркой до 100 розогъ, палочными ударами, привязываніемъ къ столбу, лишеніемъ хлѣба и пищи и т. д. Провинившихся плѣнныхъ заставляли чистить отхожія мѣста, причемъ въ Бютовѣ на эту работу назначались исключительно пойманные бѣглецы. Воровъ такъ не унижали, какъ тѣхъ, кто осмѣливался не покориться германскому игу!

Обычнымъ для плѣннымъ наказаніемъ являлось такъ называемое „подвѣшиваніе“ или „привязываніе“ (anbindung). Интересно отмѣтить, что это наказаніе существовало и для германскихъ солдатъ и отмѣнено только весной 1917 года. Провинившагося ставятъ на скамейку, спиной къ столбу; руки и ноги привязываютъ къ столбу, скамейка отнимается, и человѣкъ остается висѣть въ теченіе 20—30 минутъ. Обычно приходится отвязывать раньше въ виду потери сознанія. Наказаніемъ для бѣглецовъ является сковываніе цѣпью правой руки и правой ноги. Очень распространены наказанія въ видѣ всевозможныхъ грязныхъ, совершенно безсмысленныхъ работъ, придуманныхъ только для униженія.

Въ первый годъ войны тѣлесныя наказанія для военноплѣнныхъ примѣнялось повсемѣстно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и разнообразныхъ формахъ. Ихъ примѣненіе, очевидно, было отмѣнено осенью 1915 года, послѣ посѣщенія лагерей русской сестрой милосердія. Можетъ быть, не было оффиціальнаго приказа, разрѣшающаго порку плѣнныхъ. Однако, ее примѣняли не только младшіе надзиратели за плѣнными, но и коменданты. Въ Хаммерштейнѣ обязанности палача исполнялъ спеціально для этого назначенный германецъ, по профессіи мясникъ, но были случаи когда производить экзекуцію заставляли самихъже плѣнныхъ. Палками наказывали за куреніе въ баракѣ, за уклоненіе отъ работы, за воровство, за топленіе печки и т. д. Обычно назначалось двадцать, тридцать палокъ.

Въ каждомъ лагерѣ есть арестныя помѣщенія. Обычный срокъ ареста—2 недѣли, но онъ часто повышается до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Камеры для арестованныхъ — крошечныя, не отапливаемыя зимой, конуры. Три дня сидятъ въ полной темнотѣ и безъ пищи, на четвертый день дается свѣтъ и обѣдъ, потомъ снова три дня голода и темноты — и такъ весь срокъ „отсидки“.

Навѣрное покажется страннымъ, какимъ образомъ плѣнные, недавніе солдаты, молодые и здоровые люди, позволяли такъ издѣваться надъ собой, такъ мучить себя, не выходя изъ терпѣнія и не бросаясь на своихъ мучителей. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ германцѣ сидитъ природный инстинктъ рабовладѣльца: онъ прекрасно сознаетъ, что для того, чтобы сдѣлать изъ человѣка покорнаго раба, нужно выбить изъ него малѣйшее сознаніе своего человѣческаго достоинства, окружить его такой стѣной оскорбленій, издѣвательствъ и лишеній, чтобы онъ потерялъ себя, потерялъ волю, чтобы издерганный вѣчнымъ страхомъ, онъ малодушно цѣплялся за свою самому ему опро-

тивѣвшую жизнь. Безъ инструкціи каждый германскій солдатъ понимаетъ, что плѣнный, который веселъ, независимъ, чувствуетъ себя человѣкомъ, является врагомъ и способенъ къ противодѣйствію; всю эту „дурь“ германецъ выбиваетъ ударами, позорными наказаніями и т. п.

Вѣдь главный ужасъ и незабываемая пытка германскаго плѣна не въ какихъ-нибудь ужасныхъ звѣрствахъ, а въ этомъ неуклонномъ безпощадномъ униженіи человѣческой души, идущемъ изо дня въ день цѣлые годы. Вотъ почему мы, вернувшіеся изъ плѣна, затравленные и истерзанные, такъ мало можемъ разсказать красочныхъ фактовъ, и въ тоже время не находимъ словъ, чтобы передать всю свою боль. Вотъ почему такъ рѣдки случаи въ германскомъ плѣну, когда плѣнные отказываются отъ работъ и нападаютъ на часовыхъ...

Первые плѣнные въ лагерѣ Хаммерштейнъ были привезены въ началѣ сентября 1914 года *). Ихъ заперли въ каменную конюшню, не давъ даже соломы. Среди нихъ было много раненыхъ, но идти на перевязку было страшно: перевязывалъ нѣмецкій санитаръ, глумившійся надъ больными, бившій ихъ. Одного били за то, что не снялъ повязку и заставилъ ждать, другого же за то, что слишкомъ часто ходитъ на перевязку, третьяго за то, что стонетъ и т. д. Бинты не смѣнялись по мѣсяцамъ, лекарствъ не было. И это дѣлалось въ центрѣ Германіи, въ какихъ-нибудь двухъ стахъ километровъ отъ Берлина!

Плѣнные чувствовали себя спокойно до тѣхъ поръ, пока ихъ конюшня заперта. Когда открывались двери и слышалось грозное „los“ или „raus“, сердце начинало биться, потому что предстояли побои, а можетъ быть что-нибудь и хуже. Выстраивали для повѣрки, для раздачи хлѣба, обѣда, для счета при смѣнѣ караула, и каждый разъ били, толкали, ругали. И вотъ это сознаніе своей беззащитности, вѣчное ожиданіе удара или окрика страшно мучило и разбивало людей. Затѣмъ стали гонять на работу, строить землянки и починять дороги. Было нѣсколько случаевъ, что часовые приказывали плѣнному идти въ сторону и принести что-нибудь; когда онъ отходилъ нѣсколько шаговъ, раздавался выстрѣлъ: человѣкъ падалъ, а часовой принимался кричать, что онъ хотѣлъ бѣжать.

Пусть это кажется невѣроятнымъ, но такіе случаи были, и, конечно, не въ одномъ только Хаммерштейнѣ. Да они и не покажутся странными тѣмъ, кто знаетъ германцевъ, ихъ упое-

*) Преимущественно солдаты 107-го Троицкаго полка.

ніе своими побѣдами и своей силой, ихъ презрѣніе къ другимъ народамъ.

Все первое время войны, да можетъ быть и сейчасъ, они называли насъ, русскихъ солдатъ, „свиньями“ и безъ злобы, безъ тѣни ругательства, а просто и естественно, словно называя вещи ихъ именами. „Откуда эти свиньи?“ спрашиваетъ встрѣченный обозный про плѣнныхъ. „Наша рота взяла сорокъ свиней“, разсказываетъ нѣмецкій солдатъ русскому военноплѣнному про свои похожденія на фронтѣ.

Въ сентябрѣ 1914 г. началъ строиться лагерь въ Бютовѣ. Тутъ та же картина: побои, жестокая дисциплина, издѣвательства и совершенная беззащитность. Въ Бютовѣ, кромѣ того, германское начальство всѣми средствами старалось перетянуть на свою сторону часть плѣнныхъ, и при ихъ помощи управлять другой частью. Для фельдфебелей и подпрапорщиковъ дѣлались всякія льготы: ихъ освобождали отъ работъ, къ нимъ относились человѣчнѣе, чѣмъ къ прочимъ военноплѣннымъ, и нѣкоторые попали на удочку, стали надсмотрщиками надъ рабочими, своего рода полицейскими германской службы. То же нужно сказать и про многихъ переводчиковъ, слишкомъ прислуживавшихся къ германцамъ, безстыдно обиравшихъ своихъ плѣнныхъ товарищей.

Въ первое время войны, пока русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи было мало, для содержанія ихъ не было выработано еще опредѣленныхъ указаній. Все зависѣло отъ усмотрѣнія мѣстнаго начальства. Плѣнные были всецѣло предоставлены на произволъ фельдфебеля или лейтенанта. Не говоря уже о томъ, что мягкость обращенія съ плѣнными не могла бы понравиться высшему начальству, каждый надзирающій за плѣнными германецъ считалъ себя въ правѣ дать волю своей ненависти, чѣмъ-нибудь да уколоть порученныхъ ему враговъ. Попадались типы прямо патологическіе, не разстававшіеся съ хлыстами, колотившіе за дѣло и безъ дѣла. Наиболѣе беззащитными, обижаемыми, обкрадываемыми были небольшія рабочія команды, помѣщавшія гдѣ-нибудь на лѣсныхъ работахъ или осушкѣ болотъ: тутъ плѣнные благодарили судьбу, если попадался начальникъ взяточникъ, снисходительное отношеніе котораго можно было купить.

Лѣто 1915 года принесло Германіи нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ. Многочисленные лагеря пріобрѣтаютъ плотное населеніе. Въ Бютовѣ было къ концу 1915 г. около 20,000 человѣкъ, въ Хаммерштейнѣ около 50 000. Вмѣстѣ съ ростомъ количества плѣнныхъ жизнь въ лагеряхъ становится болѣе

упорядоченной. На мѣсто произвола отдѣльныхъ командировъ ставится подробное и обстоятельное руководство изъ Берлина, предписывающее даже такія мелочи, какъ цѣны товаровъ въ лагерныхъ лавочкахъ.

Если правда, что у прусскаго военнаго министерства, какъ оно само постоянно заявляетъ въ парламентѣ и печати, были самыя добрыя намѣренія по отношенію къ плѣннымъ, то все же они оставались безплодными. Всѣ улучшенія положенія и гуманныя инструкціи, если онѣ существовали, были безполезны, пока всѣ германцы, отъ рядового до генерала, каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ старѣлись показать плѣннымъ, какъ они беззащитны, какъ всесильна Германія, могущая ихъ казнить и миловать.

Отправка плѣнныхъ на работы была въ 1915 году еще слабо развита; работы были только казенныя, вродѣ осушки болотъ, проведенія желѣзныхъ дорогъ, рубки лѣса, корчеванія и т. д. Кромѣ того, партіи плѣнныхъ давались крупнымъ помѣщикамъ для хозяйственныхъ работъ.

На работахъ, если не было спеціально для этого построенныхъ землянокъ, плѣнные помѣщались въ какомъ-нибудь амбарѣ или конюшнѣ. По окончаніи работы, а также въ праздники, ихъ запирали на замокъ. Рабочій день оплачивался 30 пфенигами. На лѣсныхъ работахъ и на осушкѣ болотъ работать приходилось часто по колѣно въ водѣ; всѣ работы, вплоть до самыхъ тяжелыхъ, совершались плѣнными; германцы пахали на плѣнныхъ, боронили, запрягали ихъ въ повозки; въ общемъ совершенно не считались съ предѣлами человѣческихъ силъ, заставляли работать до упаду.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія на казенныхъ работахъ, большинство плѣнныхъ заболѣвало чахоткой, ревматизмомъ, сердечными болѣзнями и острымъ малокровіемъ.

Въ лагеряхъ плѣнные помѣщались въ деревянныхъ баракахъ или землянкахъ. Бараки были устроены вполнѣ прилично; зато землянки въ большинствѣ лагерей (Хаммерштейнъ, Тухель) были оборудованы очень плохо, не было ни пола, ни наръ; на землю набрасывались стружки и на этихъ стружкахъ помѣщались плѣнные, имѣя „спальныхъ принадлежностей“ только свои шинели; съ осени и до весны въ землянкахъ стояла вода; избавиться отъ нея не было никакой возможности: приходилось спать въ водѣ Легче становилось, когда вода замерзала: спать на льду было удобнѣе. Такія условія жизни валили людей, какъ заразная эпидемія; послѣ двухъ-трехъ недѣль подобнаго существованія изъ 80 или 100 человѣкъ, населявшихъ землянку,

оставалась въ ней едва ли одна четверть; остальные уходили въ лазаретъ или на кладбище.

Пища плѣнныхъ весной 1915 года была очень скудной: въ день выдавалось $^3/_4$ фунта хлѣба, но объ этомъ хлѣбѣ стоитъ поговорить подробнѣе. Хлѣбъ для плѣнныхъ изготовляется отдѣльно отъ хлѣба для германцевъ, особымъ подрядчикомъ и по особому рецепту. Примѣсь къ мукѣ картофеля и кормовой брюквы допускалась, но такъ какъ контроля никакого не было, да и, кромѣ того, обкрадываніе плѣнныхъ практиковалось всѣми, начиная отъ полковника коменданта, кончая кухоннымъ унтеръ-офицеромъ, въ хлѣбъ попадала соломенная рѣзка, картофельная шелуха и тому подобное. Въ Бютовскомъ лагерѣ мы нѣсколько разъ находили въ хлѣбѣ мелкія деревянныя опилки. Пища выдавалась три раза въ день: утромъ—коричневый кипятокъ, три раза въ недѣлю называемый чаемъ, два раза кофе, два раза какао; обѣдъ дѣлался изъ картофеля, кормовыхъ бобовъ, иногда капусты, въ пятницу и среду изъ рыбы; два раза въ недѣлю плѣннымъ полагалось мясо, одинъ разъ кровяныя консервы. Объ этомъ мясѣ нужно тоже сказать подробнѣе. Это было что-то въ родѣ солонины, издававшей невыносимый запахъ; когда приносилось на кухню мясо, то первымъ дѣломъ кошеварамъ приказывалось особыми щетками очищать его отъ червей. Нѣсколько разъ плѣнные просили варить безъ мяса, на что слѣдовалъ отвѣтъ начальства: „Вы должны получать все, что вамъ полагается“. На ужинъ давалась жидкая болтушка. Дѣлались въ видахъ экономіи опыты кормленія плѣнныхъ почти несъѣдобными продуктами, годными развѣ только въ кормъ скоту: разными травами, лопухомъ и др, костяной мукой, сахарнымъ жомомъ (лагерь Лаубанъ въ Силезіи), вызывавшимъ рвоту и желудочныя заболѣванія, и т. д.

Раздача плѣннымъ пищи служила для германскихъ солдатъ не столько дѣломъ, сколько развлеченіемъ.

Голодные люди суетятся, ругаются; ихъ выстраиваютъ, какъ на парадъ, стройными рядами, равняютъ, нѣсколько разъ пересчитываютъ. Затѣмъ начинается раздача. Тѣхъ, кто торопится или теряетъ свой рядъ, оставляютъ совсѣмъ безъ обѣда. Особенно жестоко преслѣдуютъ старающихся получить двойную порцію. Въ лагерѣ Хаммерштейнѣ германецъ убилъ палкой военноплѣннаго, бѣжавшаго получить второй разъ обѣдъ.

Случай убійства это не единственный, можно сказать — заурядный; но онъ имѣлъ длинное продолженіе, необычайно характерное для современной Германіи. Солдатъ былъ убитъ и принесенъ въ лазаретъ для вскрытія и установленія причины смерти. Мнѣнія „раздѣлились“: русскій врачъ Абрамсонъ при-

Раздѣтые военнопл'Ѣнные дожидаются подъ дождемъ дезенфецируемой одежды.

зналъ, что смерть произошла отъ удара палкой, а германскіе врачи нашли апоплексическій ударъ или что-то подобное, словомъ фактъ убійства отвергли. Черезъ нѣкоторое время случай этотъ сталъ извѣстенъ шведскому представителю Краснаго Креста, сообщившему объ этомъ, кажется, и въ Россію.

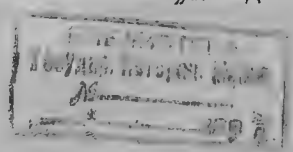
Германскимъ властямъ пришлось производить новое слѣдствіе, которое пришло къ заключенію, что убитый не былъ убитъ. „Слѣдствіе“ это велось позорно: допрашивались одни только германцы, русскихъ свидѣтелей убійства не нашлось. Такимъ образомъ возникло новое дѣло — по обвиненію доктора Абрамсона въ ложномъ свидѣтельствѣ и въ злостной клеветѣ.

Слѣдствіе это велось еще въ маѣ 1917-го года, когда былъ произведенъ допросъ трехъ фельдшеровъ, работавшихъ въ другомъ лазаретѣ и совершенно ничего не могущихъ сказать по „дѣлу Абрамсона“. Зная германцевъ и ихъ пріемы, можно увѣренно сказать, что докторъ Абрамсонъ, вопреки очевидности, будетъ признанъ виновнымъ и наказанъ.

Для надзора за порядкомъ по лагерю ходятъ патрули; инструкція дается имъ нелѣпо - суровая и открывающая полный просторъ произволу. Въ случаѣ неисполненія ихъ приказаній патрули имѣютъ право безъ предупрежденія примѣнять оружіе. А при германской злобности оружіе примѣняется по самому ничтожному поводу.

„Гуманнаго“ примѣненія оружія, въ родѣ хотя бы ударовъ прикладомъ, они въ такихъ случаяхъ не знаютъ. За малѣйшую провинность и даже неловкость ударяютъ штыкомъ, обычно въ бедро, даже стрѣляютъ. За 1915 годъ въ бютовскомъ лагерѣ были случаи нанесенія штыковыхъ ранъ плѣннымъ, не успѣвшимъ посторониться при проходѣ патруля, уклонявшимся отъ работы, нарушившимъ очередь, укравшимъ брюкву. Были и случаи стрѣльбы въ лагерѣ. Въ концѣ іюля 1916-го года вечеромъ былъ раненъ пулей подпрапорщикъ 265 полка Иванъ Николаевъ; онъ вышелъ изъ барака, и проходившій германскій часовой почему то выстрѣлилъ въ него, а потомъ уже сталъ кричать: „Halt!“. Пуля пробила бедро, сломавъ кость. Часовой, повидимому, былъ пьянъ: послѣ выстрѣла онъ сталъ около упавшаго Николаева, угрожая винтовкой, не позволялъ фельдшеру подойти для перевязки, и сильно ругался на „русскихъ свиней“. Тѣмъ не менѣе комендантъ призналъ часового дѣйствовавшимъ правильно.

Въ серединѣ 1915-го года во всѣхъ баракахъ лагерей были расклеены въ большомъ количествѣ правила для военноплѣнныхъ. Правило первое гласило: „Каждый военноплѣнный, со-



вершающій побѣгъ или покушающійся на него, разстрѣливается". Дальше шли угрозы разстрѣла „за имѣніе при себѣ острыхъ предметовъ, какъ-то ножей, ножницъ и т. д.".

Былъ пунктъ — „военноплѣнные обязаны отдавать честь всѣмъ рядовымъ и унтеръ-офицерамъ германской арміи", но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ слово „рядовымъ", было вычеркнуто. По этимъ правиламъ германскимъ солдатамъ, охраняющимъ порядокъ въ лагерѣ, давалось право въ случаѣ нарушенія военноплѣннымъ какого-либо изъ этихъ правилъ дѣйствовать оружіемъ безъ предупрежденія. Конечно, наказаніе разстрѣломъ за побѣгъ было только угрозой, но наличность угрозъ въ такомъ оффиціальномъ документѣ крайне характерна для той системы вѣчнаго запугиванія, которой держатся германцы по отношенію къ военноплѣннымъ.

Въ 1915 году было приказано военнымъ министерствомъ „для поддержанія дисциплины и физическаго здоровья" плѣнныхъ устраивать прогулки и строевыя занятія. Не обращая вниманія на морозъ и на дождь, ихъ, полуодѣтыхъ, оборванныхъ, заставляютъ 5—6 часовъ въ сутки маршировать, перестраиваться, бѣгать и дѣлать гимнастику. Въ самомъ этомъ приказаніи, несмотря на его нелѣпость, нѣтъ ничего особенно дурного; но эти занятія давали германцамъ лишнюю возможность издѣваться надъ плѣнными. Къ нимъ предъявляются строгія, какъ на военной службѣ, требованія. Плохо марширующій, опоздавшій при поворотѣ, вытаскивается изъ строя: его заставляютъ бѣгать впередъ и назадъ, безконечное число разъ по командѣ ложиться и вставать. Въ Бютовѣ на этихъ занятіяхъ обычно присутствовалъ самъ комендантъ — майоръ, держа въ одной рукѣ револьверъ, въ другой хлыстъ. Говорили, что этотъ майоръ потерялъ на русскомъ фронтѣ двухъ сыновей; да иначе и трудно было бы объяснить его изступленную жестокость. Ударами онъ сыпалъ безъ счету: онъ имѣлъ обыкновеніе пересчитывать выстроенныхъ плѣнныхъ ударами хлыста; разговаривая черезъ переводчика, онъ все время наводилъ на плѣнныхъ револьверъ.

Если такъ трудно живется въ германскомъ плѣну здоровымъ людямъ, то еще ужаснѣе положеніе больныхъ и раненныхъ. Мнѣ пришлось пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ лазаретѣ для русскихъ военноплѣнныхъ въ Тильзитѣ. То, что я видѣлъ тамъ, мнѣ показалось невѣроятнымъ, исключительнымъ, но узнавъ впослѣдствіи германцевъ, я понялъ, что мои наблюденія были правильны.

Въ тильзитскомъ лазаретѣ въ 3-хъ этажахъ помѣщалось до 300 раненыхъ; они лежали на полу, на соломенныхъ матрацахъ. Каждое утро два нѣмецкихъ доктора обходили больныхъ. И мнѣ, понимавшему нѣмецкій языкъ, было странно слышать ихъ разговоры; очень свободно рѣшался вопросъ, останется ли живъ раненый или нѣтъ, стоитъ ли его оперировать и перевязывать или нѣтъ. Если имъ казалось, что больной не выживетъ, то его оставляли лежать безъ всякой помощи въ ожиданіи смерти.

На этой почвѣ бывали ошибки, понятныя даже и мнѣ, не медику. Такъ, напримѣръ, Иванъ Павловъ (Уфимской губерніи, 223 полка) былъ привезенъ со шрапнельной раной въ области таза; доктора обрекли его и ему не дѣлалось даже перевязокъ; перевязывалъ его я матеріаломъ, утащеннымъ изъ перевязочной; такъ пролежалъ онъ безъ леченія около трехъ недѣль, и я видѣлъ, что, какъ ни страшна его рана, здоровье его замѣтно улучшается. Умеръ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ своеобразной ванны, о которой скажу ниже.

Въ лазаретѣ было много раненыхъ разрывными пулями. *) Было очевидно, что рука или нога съ такой огромной и нечистой раной не можетъ быть излечена и сохранена, спасти боль-

*) Раненіе разрывной пулей доказывается не столько размѣрами раны, сколько нахожденіемъ въ ней осколковъ пули.

ного можетъ только ампутація: между тѣмъ ампутаціи не производилось и больные, лежа почти безъ ухода, при рѣдкихъ перевязкахъ и крайне небрежномъ леченіи при скудномъ питаніи, промучившись нѣсколько недѣль, умирали отъ септическихъ процессовъ.

Въ первыхъ числахъ іюня былъ привезенъ въ лазаретъ прапорщикъ Владиміръ Шедеманъ; *) у него разрывной пулей было вырвано колѣно. Когда его привезли, онъ былъ вполнѣ здоровъ и операцію несомнѣнно перенесъ бы прекрасно. Операціи ему не было сдѣлано: полтора мѣсяца пролежалъ онъ въ страшныхъ страданіяхъ и умеръ. А къ раненымъ офицерамъ германскіе врачи относились гораздо внимательнѣе, чѣмъ къ солдатамъ. Смертность въ тильзитскомъ лазаретѣ была огромная, даже при незначительныхъ ранахъ. Если германцы лечили съ такой преступной небрежностью, то кладбище для плѣнныхъ они устроили очень нарядное!

Это леченіе иногда приводило къ мысли, что раненыхъ разрывными пулями германскіе врачи сознательно отправляли на тотъ свѣтъ, чтобы скрыть улики.

Когдо въ Россіи поднялся шумъ по поводу того, что германцы стрѣляютъ разрывными пулями, въ Германіи спохватились и начали замазывать слѣды.

Въ іюлѣ 1915 года во всѣхъ палатахъ лазарета, гдѣ лежали въ большинствѣ тяжело раненые, было прочитано переводчикомъ объявленіе о томъ, что русскія войска за послѣднее время стрѣляютъ разрывными пулями; и поэтому предупреждается, что солдаты, захваченные въ плѣнъ съ разрывными пулями, будутъ разстрѣляны. Печатный приказъ этотъ, подписанный „Верхнимъ Главнокомандующимъ германскихъ армій фонъ Гиндебургъ“, былъ также расклеенъ во всѣхъ коридорахъ лазарета.

Зачѣмъ это? Зачѣмъ предупреждать тяжело раненыхъ плѣнныхъ о карѣ, которая ожидаетъ захваченныхъ съ разрывными пулями? Конечно, для того, чтобы создать впечатлѣніе, что русскіе стрѣляютъ разрывными пулями, а германцы только отвѣчаютъ тѣмъ же.

Однажды германскій врачъ обратилъ вниманіе на грязныя ноги больныхъ. Онъ приказалъ мыть больныхъ и для этого носить ихъ со второго этажа во дворъ, въ палатку, гдѣ была устроена холодная баня. Послѣ этой бани перевязка дѣлалась санитарами и носильщиками, т. е. попросту накладывалась старая повязка. Послѣ 2—3 посѣщеній этой бани умеръ Иванъ

*) Какого-то изъ полковъ 6-ой дивизіи.

Павловъ, о которомъ говорилось выше; умеръ Павелъ Чиркунъ, у котораго были сложные переломы обѣихъ ногъ и руки; онъ умеръ черезъ $^1/_2$ часа послѣ бани отъ кровотеченія.

Мои личныя наблюденія и разсказы другихъ военноплѣнныхъ сдѣлали для меня вполнѣ яснымъ обликъ германскаго врача, по крайней мѣрѣ съ той стороны, которая проявляется въ отношеніи къ военноплѣннымъ. Это нѣчто совсѣмъ не соотвѣтствующее обычному представленію о врачѣ, какъ о человѣкѣ, ставящемъ свою дѣятельность въ независимость отъ политическихъ и національныхъ рамокъ Грубость врача по отношенію къ больнымъ, побои, наносимые имъ больнымъ и младшему медицинскому персоналу — это что-то невѣроятное, несовмѣстимое съ дѣятельностью подъ знакомъ Краснаго Креста. Ударить больного во время перевязки, если этотъ больной военноплѣнный, разрѣшитъ себѣ любой германскій врачъ; брань больныхъ, укоры во время перевязокъ за русскую глупость и некультурность, за безстыдное нападеніе на мирную Германію— все это обычно.

Передъ отправкой на работы плѣнныхъ ведутъ на осмотръ къ врачу. Этотъ осмотръ является пустой комедіей, соблюденіемъ для очистки совѣсти формальности. Я присутствовалъ при трехъ-четырехъ подобныхъ осмотрахъ. Для жалующихся на внутреннія болѣзни и неизмѣнно признающихся годными есть одинъ отвѣтъ: „Разъ человѣкъ можетъ двигаться, онъ еще не боленъ!“ Раненые, искалѣченные признаются годными для работы, если они только держатся на ногахъ, если они способны взять въ руки лопату или кирку.

Съ точки зрѣнія военной необходимости можно было бы не возражать противъ отправки больныхъ людей на работу: во время войны, когда и своихъ-то гражданъ гонятъ тысячами на смерть, нельзя требовать бережнаго и внимательнаго отношенія къ плѣннымъ. Тогда не надо этой комедіи осмотровъ и освидѣтельствованій, и не надо лицемѣрнаго присутствія врачей.

Совершенно недостойнымъ является отношеніе германскихъ врачей къ нашимъ плѣннымъ врачамъ и фельдшерамъ. Ихъ допускаютъ работать въ лазаретахъ для военноплѣнныхъ, но „подъ наблюденіемъ и руководствомъ германскаго врача“. И старый, опытный русскій врачъ ставится подъ начальство германскаго медика, только-что покинувшаго школьную скамью. Германскіе врачи ни на минуту не забываютъ и не даютъ забыть, что они хозяева. что русскіе врачи только плѣнные. При томъ отсутствіи деликатности и такта, которымъ отличаются германцы, быть подъ ихъ начальствомъ крайне тяжело.

Русскій врачъ, завѣдующій лазаретомъ, не имѣетъ права безъ германскаго врача ни принять больного въ лазаретъ, ни выписать, ни прописать лекарства, ни перевязать больного безъ присутствія германской сестры милосердія. Русскій врачъ не можетъ дать плѣнному освобожденія отъ работы, не можетъ признать неспособнымъ къ работѣ. Его все время въ чемъ-то подозрѣваютъ, стараются выказать недовѣріе, неустанно подчеркивая, что „Германія—не Россія!"

Особенно строго преслѣдуется заступничество русскихъ врачей за военноплѣнныхъ, ихъ ходатайства за нихъ. Получается невыносимо тяжелое положеніе: безпомощный, загнанный плѣнный жалуется врачу, какъ человѣку интеллигентому, владѣющему нѣмецкимъ языкомъ, но врачъ безсиленъ что-либо сдѣлать, его оборвутъ окрикомъ: „Не ваше дѣло!" или еще болѣе энергичнымъ: „raus!"

Кулачная расправа, не только по отношенію къ здоровымъ людямъ, къ русскимъ фельдшерамъ и санитарамъ, но и по отношенію къ больнымъ, лежитъ въ привычкахъ германскихъ врачей. Въ тильзитскомъ лазаретѣ студентъ медикъ Зульцеръ билъ больныхъ на перевязкѣ за то, что дергались или стонали, билъ санитаровъ, не понимавшихъ его приказаній на нѣмецкомъ языкѣ. Въ лазаретѣ лагеря Хаммерштейнъ докторъ Мессершмидъ билъ больныхъ, здоровыхъ, фельдшеровъ, санитаровъ и переводчиковъ. Каждое его посѣщеніе русскаго лазарета сопровождается такой сценой: Мессершмидъ входитъ въ палату, фельдшеръ почтительно стоитъ на вытяжку; Мессершмидъ обходитъ больныхъ, подходитъ къ фельдшеру, пристально смотритъ на него, грозитъ пальцемъ, ударяетъ по носу или деретъ за ухо, затѣмъ уходитъ. Все это дѣлается, чтобы показать свою власть и силу, чтобы ни на минуту не забывалъ плѣнный, что онъ живъ еще только благодаря германскому великодушію и благородству.

Особенно мало безпристрастія и простѣйшей профессіональной честности проявляютъ германскіе врачи, когда къ нимъ на освидѣтельствованіе приводятъ избитаго гдѣ-нибудь германцами плѣннаго. Врачъ никогда не признаетъ нанесенія побоевъ.

„Великое русское отступленіе“ 1915 года сильно отразилась на положеніи русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи. Германскими военными властями былъ взятъ по отношенію къ нимъ новый курсъ: во-первыхъ для того, чтобы поддержать совершенно испорченную за годъ войны репутацію Германіи и ея сыновъ, во-вторыхъ,—въ надеждѣ на скорый сепаратный миръ съ Россіей. Былъ принятъ рядъ мѣръ для того, чтобы внушить самимъ военноплѣннымъ, отчасти германскому народу, а больше всего всему цивилизованному свѣту, что та дурная слава, которой война оплела имя Германіи, есть результатъ непониманія и клеветы. Выпускается цѣлый рядъ статей и книгъ, и даже иллюстрированныхъ альбомовъ, изображающихъ въ заманчивомъ видѣ жизнь германскихъ лагерей для военноплѣнныхъ. Приглашаются германскіе профессора и продажныя перья изъ нейтральныхъ странъ для осмотра и восхищеннаго описанія лагерей.

На ряду съ этимъ намѣчаются мѣры для обработки русскихъ военноплѣнныхъ въ духѣ преклоненія передъ Германіей, ослѣпляющей блескомъ своей культуры, и отчужденія отъ Россіи; устраиваются особые лагеря для противорусской пропаганды среди военноплѣнныхъ малороссовъ, магометанъ, грузинъ и армянъ. Наконецъ нѣсколько улучшается содержаніе военноплѣнныхъ, даются предписанія о лучшемъ обращеніи, устраиваются для плѣнныхъ библіотеки, театры, издается военнымъ министерствомъ газета на русскомъ языкѣ.

Прусское военное министерство съ конца 1915 года и до сихъ поръ сильно заботится о „духовныхъ потребностяхъ“ русскихъ военноплѣнныхъ. Цѣль этихъ заботъ весьма дальновидная: при помощи ихъ предполагается сдѣлать плѣнныхъ друзьями Германіи и почитателями германской культуры; и это нужно не только для заключенія сепаратнаго мира, которому, конечно, безсильны способствовать или противодѣйствовать плѣнные, но

главнымъ образомъ для того, чтобы обезпечить послѣ мира дружелюбное отношеніе русскаго народа къ Германіи. Германцы здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, ошиблись и потратили даромъ много силъ и средствъ, но съ обычной своей тяжелой основательностью обмозговали планъ, обезпечивающій интересы Германіи и въ далекомъ будущемъ. Когда германцу нужно чего-нибудь достичь, онъ идетъ къ своей цѣли всѣми путями, не брезгуя никакими средствами. Онъ не останавливается ни передъ лицемѣріемъ, ни передъ подлогомъ, ни передъ ложью, весьма нехитро построенной: въ этихъ пріемахъ несомнѣнно сказывается его увѣренность въ своемъ умственномъ превосходствѣ надъ всѣми остальными народами, которыхъ онъ можетъ надувать, заставлять вѣрить въ противное очевидности и т. д.

Есть берлинскія изданія на русскомъ языкѣ, выпущенныя еще до войны германскими издателями для русскихъ туристовъ: „Тайны Николая II“, „Пикантные анекдоты про русскій дворъ“, на ряду съ этимъ отдѣльныя статьи Толстого, Горькаго, Короленко. Во многихъ лагеряхъ были устроены небольшія библіотеки изъ этихъ изданій, съ цѣлью „революціонизировать“ русскихъ плѣнныхъ. Они не учли того, что отношеніе плѣнныхъ къ книгамъ, идущимъ изъ рукъ ненавистныхъ германцевъ, будетъ недовѣрчивымъ, и лучшее средство отшатнуть плѣнныхъ отъ революціонной литературы. это—выдавать ее руками германскихъ фельдфебелей!

Въ серединѣ же 1915 года начала появляться въ Берлинѣ газета „Continental Times“ съ параллельнымъ текстомъ на русскомъ и англійскомъ языкахъ. Потомъ эта газета стала издаваться на одномъ русскомъ языкѣ и получила названіе „Американскій Вѣстникъ“, съ подзаголовкомъ „Единственная безпартійная и нейтральная газета, издающаяся въ Нью Іоркѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ“. Черезъ нѣсколько номеровъ „Американскій Вѣстникъ“, очевидно, не внушившій довѣрія плѣннымъ, былъ переименованъ въ „Русскій Вѣстникъ“ и сталъ изображать изъ себя русскую газету. На первыхъ столбцахъ шли сообщенія „Отъ штаба верховнаго главнокомандующаго“, отъ штабовъ союзныхъ странъ и ужъ затѣмъ мелкимъ шрифтомъ—сообщенія германскаго, австрійскаго и т. п. штабовъ. Дальше — статьи объ успѣхахъ германцевъ на восточномъ фронтѣ, о внутреннемъ разложеніи Россіи, о разногласіяхъ и непріязни среди союзниковъ и т. д. Затѣмъ шли, и это было самымъ желаннымъ отдѣломъ газеты, перепечатки изъ настоящихъ русскихъ газетъ, больше всего изъ „Рѣчи“ и „Утра Россіи“.

Русскій военноплѣнный дневальный у внутреннихъ воротъ лагеря.

Плѣнные русскіе и французы въ германскомъ лагерѣ.

Послѣднія страницы газеты были заняты очерками, рисовавшими богатство. силу и культурность Германіи.

Изданіе подобной газеты, въ огромномъ количествѣ разсылавшейся безплатно, стоило, конечно, большихъ денегъ.

Насколько я могъ замѣтить, задачей газеты было подорвать у военноплѣнныхъ всякую вѣру въ возможность побѣды союзниковъ и ослѣпить ихъ сіяніемъ германской культуры и могущества. Первая задача имѣла не только пропагандистскій, но и административный характеръ. Подтачиваніе вѣры въ побѣду союзниковъ дѣйствовало угнетающе, создавало въ умѣ плѣннаго полную растерянность и безпросвѣтность, дѣлало его еще болѣе забитымъ и беззащитнымъ.

Германское начальство всячески способствовало также распространенію небольшого журнала „На чужбинѣ“, въ прикосновенности къ которому недавно обвиняли бывшаго министра Чернова. Журналъ этотъ не носилъ опредѣленно „пораженческаго“ характера, т. е. я не могу припомнить ни одной статьи въ немъ, въ которой бы развивалась мысль, что побѣда Германіи явилась бы благомъ для русскаго народа. Въ тѣхъ номерахъ „На чужбинѣ“, которые мнѣ пришлось видѣть, довольно много находилось статей обычнаго соціалистическаго содержанія: писалось о злѣ, причиненномъ войной русской деревнѣ, о безправіи солдата и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналѣ помѣщались статьи противъ имперіалистической политики, противъ страсти къ завоеваніямъ и т. д. Разоблачалась корыстная политика Англіи, любовь къ воинственнымъ авантюрамъ русскихъ правящихъ круговъ, защищалась и оправдывалась позиція, занятая Болгаріей въ настоящей войнѣ.

Вотъ эти статьи на тему международной политики были ошибкой руководителей журнала; онѣ подрывали къ нему довѣріе не только плѣнной интеллигенціи, но, какъ я могъ замѣтить, и всей читавшей „На чужбинѣ“ солдатской массы: вѣдь было ясно, что въ журналѣ, проходящемъ черезъ руки германской цензуры, можно было писать только то, что безвредно или даже желательно Германіи. Именно то, что журналъ касался международной политики и при этомъ совершенно умалчивалъ о Германіи и Австріи, вызывало къ нему недовѣрчивое и недружелюбное отношеніе, несмотря на революціонный матеріалъ, даваемый имъ. Большая часть плѣнныхъ была увѣрена, что журналъ издается германцами.

Кромѣ того было затѣяно цѣлое таинственное издательство „Родная Рѣчь“. Оно до середины 1917 года выпустило бо-

лѣе 70 брошюръ. Громадное большинство ихъ—художественная литература: разсказы Чехова „Унтеръ Пришибеевъ“, „Человѣкъ въ футлярѣ“, „Счастливчикъ“ и др.; М. Горькаго „Дружки“, „Прохожій“; Л. Толстого „Хозяинъ и работникъ“, М. Щедрина, Тургенева „Муму“, Лѣскова „Лѣвша“ и т. д. Затѣмъ брошюры на историческія и общественныя темы: В. Ключевскаго „Добрые люди древней Руси“, В. Мякотина, Е. Звягинц-ва, С. Князькова; брошюры этихъ авторовъ представляли собой перепечатку вышедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи. Въ среду этой библіотеки знакомыхъ и любимыхъ именъ было вкраплено нѣсколько брошюръ именъ неизвѣстныхъ: Н. Моравскій, Яхно, Ф. Артемьевъ; темы этихъ брошюръ невѣдомыхъ авторовъ зарождали подозрѣнія: „Въ иностранномъ легіонѣ“, „Въ царствѣ стали“—картина техническаго оборудованія и великолѣпнаго положенія рабочихъ на заводахъ Круппа, „Откуда богатство Англіи“; брошюра М. Кабанова „Германскія интеллигенція и война“—повѣсть о томъ, какъ трезво и мудро смотрѣла интеллигентная Германія на войну.

На книжкахъ было помѣчено: Москва, книгоиздательство „Родная Рѣчь“. На позднѣйшихъ брошюрахъ былъ помѣщенъ и адресъ книгоиздательства: Кривоарбатскій пер., д. 3, типографія „Родная Рѣчь“; въ концѣ нѣкоторыхъ изъ брошюръ были приложены выдержки хвалебныхъ отзывовъ изъ газетъ—„Рѣчь“, „День“, „Утро Россіи“, „Русское Слово“, „Биржевыя Вѣдомости“. Всѣ эти отзывы были помѣщены безъ указанія номеровъ газетъ и очень однообразны, точно написаны одной рукой. Эти брошюры, будто бы присылавшіяся изъ Россіи черезъ Красный Крестъ, доставлялись изъ комендатуры цѣлыми сотнями. Все это навело насъ на сомнѣнія и породило увѣренность, что издательство „Родная Рѣчь“ едва ли помѣщается въ Москвѣ, а, навѣрное, въ Берлинѣ. И дѣйствительно удалось достать купонъ отъ переводнаго бланка, съ которымъ брошюры присылались въ комендатуру; отправителемъ былъ названъ какой-то генералъ изъ штаба военнаго округа въ Штеттинѣ.

На эту затѣю прусскаго военнаго министра, навѣрное, были истрачены милліоны марокъ: изданіями „Родной Рѣчи“ были буквально завалены всѣ лагеря военноплѣнныхъ, лазареты и рабочія команды; и всѣ эти марки истрачены безъ пользы: никакія брошюры, никакія газеты и альбомы, какъ бы они ни разоблачали Россію и ея союзниковъ, какъ бы они ни расхваливали Германію, безсильны разбить или хотя бы ослабить ту непримиримую ненависть и отвращеніе, которыя внушили русскимъ военноплѣннымъ германцы и Германія.

Вообще интересно постоянное желаніе германцевъ загладить перомъ то, что вырублено топоромъ.

Въ октябрѣ 1915 года всѣмъ плѣннымъ были розданы листы бумаги и конверты. Было разрѣшено написать закрытое письмо домой, хотя до сихъ поръ разрѣшалось писать только открытки; на выданномъ листкѣ для письма была напечатана съ одной стороны раскладка пищи для плѣнныхъ; по этому листку выходило, что плѣннымъ выдается въ день отъ 2-хъ до 3-хъ фунтовъ картофеля, мясо, соленая рыба, сахаръ по 25 граммъ на человѣка, рисъ, сыръ, сушеные фрукты и много другихъ хорошихъ вещей. Такимъ образомъ эти „меню“ съ письмами должны были разнести по всей Россіи наглядное опроверженіе слуховъ о дурномъ питаніи военноплѣнныхъ въ Германіи.

Это мошенничество было такъ отвратительно и несложно, что ни одинъ солдатъ не воспользовался правомъ послать закрытое письмо.

Кромѣ того былъ выпущенъ роскошный иллюстрированный альбомъ съ текстомъ какого-то профессора: „Военноплѣнные въ Германіи“.

Я не знаю, на какую публику былъ разсчитанъ этотъ хорошо изданный альбомъ: текстъ его разсказывалъ о томъ, какая громадная задача выпала Германіи по устройству и прокормленію своихъ многочисленныхъ плѣнныхъ; приводились тѣ научныя основанія, на которыхъ было построено питаніе плѣнныхъ, много говорилось о заботахъ прусскаго военнаго министерства о духовныхъ потребностяхъ плѣнныхъ. Весь текстъ былъ написанъ въ томъ слащавомъ и самодовольномъ тонѣ, въ которомъ пишутъ германскія газеты, когда имъ нужно выставить свое отечество въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Если этотъ текстъ былъ разсчитанъ на плѣнныхъ, то нужно, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, удивляться германской близорукости, или безграничной вѣрѣ въ себя!

Въ концѣ альбома было приведено нѣсколько групповыхъ снимковъ русскихъ плѣнныхъ. Подпись гласила „Типы русскихъ военноплѣнныхъ“. Эти „типы“ были подобраны весьма тенденціозно: были сняты люди съ монгольскимъ типомъ лица, повидимому татары, причемъ были отобраны самые страшные; эти типы должны были показать „азіатскую дикость“ русскихъ солдатъ.

Тогда же во второй половинѣ 1915 года зародилась у германцевъ мысль объ использованіи національностей русскихъ солдатъ. Каждая прибывающая въ лагерь партія плѣнныхъ

подвергалась разбивкѣ: вызывались отдѣльно украинцы, затѣмъ татары, грузины и армяне; всѣ эти національности помѣщались отдѣльно отъ другихъ, причемъ запрещалось посылать ихъ на работу и отсылать въ другіе лагеря. Малороссы, исключая фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и вольноопредѣляющихся, были отправлены въ лагерь Зальцведель, татаръ, грузинъ и армянъ отправили въ Цоссенъ. Незадолго до отправки пришелъ приказъ опросить русскихъ военноплѣнныхъ магометанъ, кто изъ желаетъ отправиться въ Турцію: имъ обѣщалось 850 марокъ подъемныхъ и участокъ земли. Въ Бютовѣ, гдѣ находилось около двухъ съ половиной тысячъ магометанъ, согласныхъ нашлось семь человѣкъ, но отправка такъ и не состоялась.

Украинцы были собраны въ два лагеря — Зальцведель и Раштадтъ. Здѣсь ихъ тщательно разбирали, многихъ выслали обратно, а среди оставленныхъ вели австрофильскую пропаганду. Въ общемъ все совершавшееся въ этихъ лагеряхъ неохотно разглашалось: спропагандированные украинцы, которыхъ привозили въ лагерь Альтдаммъ (около Штеттина), чтобы отсюда отправить ихъ подъ видомъ инвалидовъ въ Россію, воздерживались отъ разсказовъ; остальные, бывшіе въ Зальцведелѣ и не заслужившіе довѣрія германцевъ, могли очень мало сообщить пріѣзжали какіе-то „вольные“, говорившіе по-малороссійски звали вспомнить свою „рідную мову“. Вначалѣ ихъ встрѣчали недружелюбно: были случаи (въ 20-мъ и 22-мъ баракахъ въ мартѣ 1916 года) избіенія плѣнными этихъ пропагандистовъ. Потомъ, по мѣрѣ удаленія всѣхъ ненадежныхъ и крутой германской расправы, агитаторамъ удалось заставить себя слушать.

Въ этихъ лагеряхъ были устроены изъ русскихъ военноплѣнныхъ два баталіона „січевыхъ стрільцовъ“; одинъ изъ этихъ баталіоновъ въ началѣ 1917 года находился въ Варшавѣ, очевидно, несъ тыловую службу. Нужно сознаться, что всѣ эти широкіе проекты антирусской пропаганды падали на довольно благодарную почву, однако русская революція совершенно измѣнила положеніе: главные козыри германцевъ — царь и угнетенные народы потеряли всякій смыслъ и силу.

Особенно замѣтна была германская неудача на плѣнныхъ полякахъ. Въ концѣ 1916 года, послѣ объявленія польской „независимости“, поляковъ собрали въ отдѣльный лагерь Гарделебенъ; относились къ нимъ еще болѣе покровительственно, чѣмъ къ украинцамъ; говорили — „Поляки—наши союзники“.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и всѣ блестящія перспективы рухнули: поляки военноплѣнные вновь стали тѣми же „польскими скотами“, какими были раньше.

Я попалъ въ плѣнъ въ маѣ 1915 года; уже тогда первый германскій солдатъ, съ которымъ пришлось разговаривать, говорилъ: „Россіи съ Германіей нечего воевать: насъ поссорила Англія, намъ нужно заключить миръ, и тогда въ три мѣсяца мы покончимъ съ Франціей и Англіей". Уѣхалъ я изъ плѣна въ серединѣ іюля 1917 года; послѣдній германскій солдатъ, съ которымъ пришлось говорить, сказалъ: „Теперь въ Россіи народъ свободенъ и теперь мы съ вами скоро пойдемъ противъ общаго врага... мы въ два мѣсяца разобьемъ Францію и Англію".

Эта мысль о сепаратномъ мирѣ является какой-то навязчивой идеей для всѣхъ германцевъ отъ мала до велика. Это единственная тема разговора германцевъ съ русскими военнопленными. Конецъ войны и миръ только и рисуется имъ въ образахъ совмѣстнаго съ Россіей разгрома Англіи и Франціи. Русскіе военнопленные все время зависятъ отъ тѣхъ или другихъ надеждъ на сепаратный миръ: когда является надежда на подобный миръ, отношеніе становится лучше, и насъ уже не называютъ свиньями, а называютъ „kamerad"; стоитъ этой надежде лопнуть, начинаются придирки и угрозы.

Никогда у германцевъ не было такой надежды на сепаратный миръ съ Россіей, какъ въ концѣ 1915 года; тогда вѣрило и стремилось къ такому миру не только населеніе, но и высшія власти. Положеніе русскихъ военнопленныхъ было замѣтно улучшено: пища стала почти достаточной, перестали отнимать сапоги, выдали бѣлье и верхнее платье. Наконецъ 6-го декабря 1915 года во всѣхъ лагеряхъ плѣнныхъ выстроили на плацу и велѣли пѣть „Боже царя храни", по случаю рожденія Николая II, чѣмъ, кстати сказать, вызвали въ солдатской массѣ радостную увѣренность, что миръ уже заключенъ.

Несмотря на всѣ эти заигрыванія, плѣннымъ все время показывается, что они находятся въ полной и безотвѣтственной власти германцевъ. Даже въ вопросѣ о распредѣленіи дарственныхъ вещей, присылаемыхъ русскимъ Краснымъ Крестомъ, германское начальство не позволяетъ плѣннымъ никакой самостоятельности. Комендантъ бютовскаго лагеря полковникъ Ландекъ являлся самымъ корректнымъ изо всѣхъ германскихъ офицеровъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть; въ то же время онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ распоряжался подарками, присылаемыми плѣннымъ. Все присланное раздѣлялось комендатурой между лагеремъ и рабочими командами, причемъ лагерь получалъ значительно меньшую долю. Такъ въ іюлѣ 1916 года полученный вагонъ сала былъ распредѣленъ такъ, что въ лагерѣ пришлось на человѣка меньше полфунта, въ ра-

бочихъ же командахъ по три съ половиной фунта, несмотря на то, что въ то время въ рабочихъ командахъ пища была лучше, чѣмъ въ лагерѣ. Когда мы, трое выборныхъ, пошли объясняться по этому поводу и просить о болѣе справедливомъ распредѣленіи, тѣмъ болѣе, что въ лагерѣ находится много больныхъ и инвалидовъ, намъ, послѣ ругани и угрозъ арестомъ, было заявлено, что въ лагерѣ сидятъ люди, не желающіе работать и поэтому къ нимъ отношеніе другое, чѣмъ къ людямъ работающимъ. Такое поощреніе работающихъ доходило до того, что однажды бѣлый хлѣбъ, полученный изъ Швейцаріи отъ Бернскаго комитета, было приказано раздать въ лагерѣ только людямъ работающимъ, какъ-то: сапожникамъ, портнымъ и переводчикамъ. Подарки, отсылавшіеся въ рабочія команды, распредѣлялись тамъ германцами совершенно произвольно.

Были случаи, что сухари изъ Краснаго Креста выдавались вмѣсто германскаго хлѣба; иногда эти сухари *варились* на обѣдъ; бѣлье Краснаго Креста во многихъ командахъ продавалось часовымъ плѣннымъ; такія лакомыя для германцевъ вещи, какъ мыло или сахаръ, очень рѣдко достигали плѣнныхъ.

Такіе случаи были у насъ запротоколены, подтверждены свидѣтельскими показаніями, но добиться отъ коменданта назначенія разслѣдованія было невозможно. Намъ кричали, что это вздоръ, клевета на германскихъ солдатъ, за которую мы должны предстать передъ военнымъ судомъ, что мы не въ Россіи, что въ Германіи воровства нѣтъ и такъ далѣе.

Забота о своемъ престижѣ сильно занимаетъ германцевъ. Были случаи наказанія плѣнныхъ двумя недѣлями ареста за то, что они въ письмахъ на родину высказывали недовольство плѣномъ, писали о плохой пищѣ или о тяжеломъ житьѣ. Авторовъ такихъ „клеветническихъ“ писемъ вызывали въ комендатуру, кричали на нихъ и, смотря по степени упорства и злонамѣренности, сажали подъ арестъ или ограничивались выговоромъ...

Первая половина 1916 года была самымъ легкимъ временемъ плѣна; пища была въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ теперь питаются плѣнные, все-таки сносная; была возможность контрабаднымъ путемъ и довольно дешево доставать провизію изъ города, въ лагеряхъ были устроены оркестры, синематографы, театры, въ Бютовѣ ставили даже Чехова и Островскаго; удалось во многихъ лагеряхъ собрать недурныя библіотеки: частью книги приносились прибывавшими свѣжими плѣнными, частью покупались заграничныя изданія Ладыжникова и „Свободнаго Слова“, а больше всего намъ присылалъ „Отдѣлъ по снабженію книгами русскихъ военноплѣнныхъ“ при Московскомъ Бюро помощи военноплѣннымъ.

Съ весны плѣнныхъ стали отправлять по одному, по два человѣка на сельскія работы къ крестьянамъ. Крестьяне кормили плѣнныхъ хорошо; деревенское населеніе, извѣрившееся въ побѣдахъ, особенно послѣ неудачи германцевъ у Вердена, относились къ плѣннымъ, за немногими исключеніями, неплохо, хотя и требовало отъ нихъ лошадиной работы.

Если раньше властямъ приходилось предупреждать населеніе о недопустимости насилій надъ плѣнными, то теперь, наоборотъ, разсылаются объявленія о необходимости держаться дальше отъ плѣнныхъ, не разговаривать съ ними, не кормить ихъ свыше нормы, принятой въ лагеряхъ и т. д.

Насколько сносно было положеніе плѣнныхъ, работавшихъ у крестьянъ, настолько скверно было работающимъ у помѣщиковъ и у казны; въ имѣніяхъ къ рабочимъ командамъ были приставлены часовые. Хотя часовому давалась точная инструкція, какую пищу должны получать плѣнные, сколько часовъ они должны работать и т. д., хозяева и управляющіе задабривали часоваго, и онъ принимался ударами приклада и хлыста „повышать производительность“ труда; сплошь и рядомъ на этой почвѣ выходили конфликты, кончавшіеся пристрѣли-

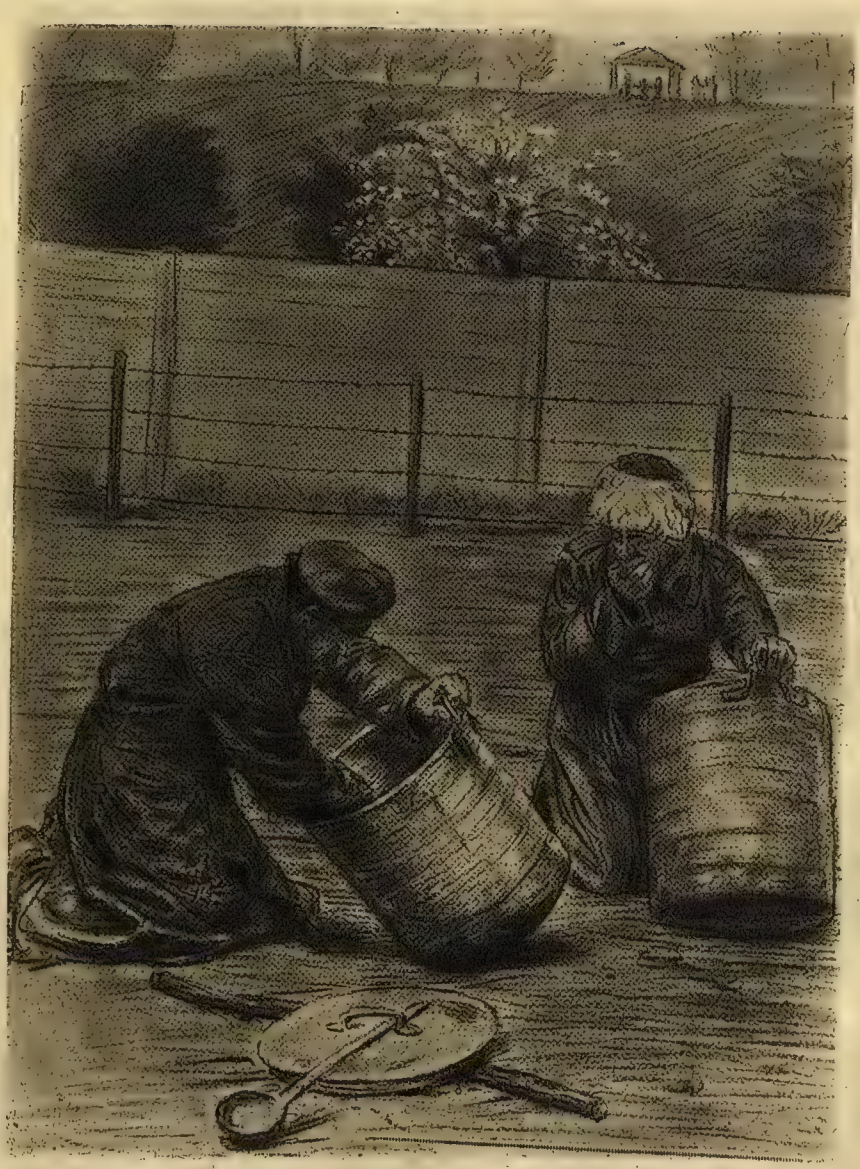
ваніемъ плѣнныхъ. Въ одномъ изъ лѣстничествъ, недалеко отъ города Шлохау, въ январѣ 1917 года произошелъ такой характерный случай: часовой обкрадывалъ работавшихъ тамъ 20 человѣкъ военноплѣнныхъ, выдавая имъ на 1/4 фунта меньше хлѣба, чѣмъ полагалось; замѣтивъ это, плѣнные угрожали пожаловаться. Когда же на слѣдующій день часовой совсѣмъ не выдалъ хлѣба, они заявили, что не пойдутъ работать безъ хлѣба. Часовой спросилъ одного изъ нихъ, Иванова: „Пойдешь на работу?“ Тотъ отвѣтилъ: „Убей меня, а безъ хлѣба не пойду!“ Часовой, недолго думая, прицѣлился и убилъ его выстрѣломъ въ животъ. Подобныхъ случаевъ кровавой, безсмысленной расправы происходило и, конечно, и теперь происходитъ очень много. Положеніе плѣнныхъ и въ этомъ отношеніи совершенно беззащитное; хотя часовому запрещается ихъ бить, кромѣ случаевъ самообороны и забастовки, хотя плѣнные имѣютъ право, въ случаѣ какихъ-либо обидъ и недоразумѣній, вызывать изъ комендатуры лагеря офицера, всѣ эти писанныя на бумагѣ права разбиваются о тупую стѣну германской ненависти и презрѣнія къ плѣннымъ.

Плѣнныхъ легко предаютъ суду, и судъ выноситъ очень суровые приговоры—два, три года, даже десять лѣтъ тюрьмы.

Между тѣмъ на судебномъ разборѣ придается вѣра только германскимъ свидѣтелямъ; прокуроръ, не стѣсняясь, говоритъ: „Конечно, показаніямъ товарищей обвиняемаго, такихъ же военноплѣнныхъ, нельзя придавать вѣры“. Однимъ изъ такихъ вопіющихъ судебныхъ слѣдствій и приговоровъ было дѣло Михаила Сметанина изъ лагеря Бютова, разбиравшееся въ Данцигскомъ военномъ судѣ лѣтомъ 1916 года.

Сметанинъ, работавшій у помѣщика, не хотѣлъ угостить часового коньякомъ. Тотъ обѣщалъ ему отомстить. Однажды, ведя плѣнныхъ на работу, часовой ни съ того, ни съ сего поднялъ крикъ, привлекъ вниманіе народа и послалъ донесеніе, что Сметанинъ хотѣлъ вырвать у него винтовку и подговаривалъ къ этому другихъ. Показаніе Сметанина подтвердили всѣ остальные военноплѣнные; обстоятельства дѣла тоже опредѣленно доказывали невиновность Сметанина: какая была необходимость, мирно идя на работу, вдругъ безъ всякаго повода вырывать винтовку? Все же судъ приговорилъ Сметанина къ тремъ годамъ тюрьмы, и защитникъ совѣтовалъ не переносить дѣла въ высшую инстанцію, потому что приговоръ вынесенъ самый мягкій.

То и дѣло въ лагеряхъ приходятъ для объявленія плѣннымъ приказы приблизительно одного содержанія: „Тамъ-то



Голодные русскіе военнопл'Ѣнные „вылизываютъ“ кухонные баки.

Типы плѣнныхъ германцевъ

тогда-то такой-то плѣнный застрѣленъ германскимъ часовымъ" За то, что не послушался, не остановился на окрикъ, отказывался работать, сдѣлалъ попытку напасть на часового...

Все это объявлялось какъ будто для предупрежденія, но длинный перечень невѣдомыхъ Ивановыхъ, Бычковыхъ и др. гдѣ-то и за что-то убитыхъ, звучалъ угрозой и еще тѣснѣе сжималъ невыносимое ярмо плѣна!

Съ весны 1916 года отношеніе къ плѣннымъ германскаго солдата и населенія становится лучше. По мѣрѣ того, какъ рушились надежды на скорую и легкую побѣду, исчезло и германское самоупоеніе. Замѣтенъ былъ интересъ къ людямъ чужого народа, и видно было, что все натравливаніе первыхъ дней войны потеряло свою силу. Тутъ въ первый разъ приходилось встрѣчать у германцевъ нормальное человѣческое отношеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ условія жизни плѣнныхъ становятся все хуже: начинается невыносимый голодъ, а со стороны властей развивается безжалостная требовательность къ труду военноплѣнныхъ.

Съ лѣта 1916 года уменьшается количество, еще больше качество, хлѣба; единственной пищей плѣнныхъ становится кормовая брюква. Количество больныхъ значительно повышается, но все же старые плѣнные, привыкшіе къ голоду, кое-какъ живутъ; зато положеніе новыхъ плѣнныхъ поистинѣ ужасно.

Въ октябрѣ 1916-го года въ лагерь Хаммерштейнъ пригнали 1800 свѣжихъ плѣнныхъ, молодежь изъ брусиловской арміи, взятую подъ Галичемъ. Видно было, что они страдали отъ голода невыносимо; сильно развилось открытое воровство, разсчитанное только на утоленіе голода. Люди воровали другъ у друга хлѣбъ, не стѣсняясь свидѣтелей и уликъ, лишь бы только справиться съ неутолимымъ ощущеніемъ голода.

Еще болѣе ужаснымъ было положеніе румынскихъ плѣнныхъ, которые въ это же время начали доставляться въ Германію; отношеніе къ нимъ германцевъ, полное тупой ненависти, напомнило намъ отношеніе къ намъ самимъ въ первое время войны. Румынъ, страдавшихъ отъ холода и голода, безпощадно били за вину и безъ вины, били всѣ германцы, которымъ они попадались на глаза, били, чтобы сорвать на этихъ несчастныхъ, замученныхъ людяхъ свою вражду, вызванную „предательскимъ" выступленіемъ ихъ страны противъ Германіи. Румыны гибли цѣлыми сотнями: были переполнены всѣ лазареты, отведены особые бараки подъ временные лазареты, и все было полно людьми, умиравшими отъ острaго истощенія.

Съ каждымъ мѣсяцемъ пища становилась хуже. Весной 1917 года было снова уменьшено количество хлѣба; хлѣбъ, вѣсомъ въ килограммъ, выдавался на семь человѣкъ; обѣдъ состоялъ изъ кипятка, въ которомъ плавала гнилая, прокисшая брюква, расползавшаяся, какъ кисель. Вмѣстѣ съ тѣмъ у людей, бывшихъ въ лагерѣ, отбирали ихъ собственные сапоги и выдавали деревянныя колодки, сильно натиравшія ноги; бѣлье и верхнее платье уже выдавалось по усмотрѣнію германскаго караула, причемъ было предписаніе выдавать только въ случаѣ крайней необходимости. Германцы пользовались этимъ предписаніемъ и выдавали исключительно тѣмъ, кто платилъ нѣсколько марокъ.

Съ начала 1917 года стали замѣтно ослабѣвать и старые плѣнные, перенесшіе безъ ущерба два года плѣна. Даже въ лагеряхъ заболѣваніе туберкулезомъ стало почти поголовнымъ; люди страшно исхудали и обезсилѣли.

И по мѣрѣ того, какъ хроническое голоданіе разрушаетъ тѣлесныя силы, ослабѣваетъ и воля; люди тупѣли, озлоблялись и опускались: въ часы, свободные отъ работы, по лагерю бродятъ оборванныя, вялыя фигуры, стоятъ у кухонь, какъ безпріютныя собаки, поджидая какихъ-нибудь отбросовъ; другіе копаются въ помойныхъ ямахъ, вылавливая картофельную шелуху, селедочныя головы, все, что можетъ быть съѣдено...

Единственное, что спасало плѣнныхъ отъ вымиранія, была помощь Краснаго Креста; въ нѣкоторыхъ лагеряхъ удавалось получать до пяти фунтовъ сухарей въ недѣлю. Этимъ только и жили. Къ сожалѣнію помощь эта неравномѣрно притекала въ различные лагеря и почти не захватывала рабочихъ командъ и рабочихъ батальоновъ, гдѣ она была бы особенно нужна.

Съ осени 1916 го года почти всѣ плѣнные были отправлены на казенныя и фабричныя работы Были оставлены въ покоѣ только фельдфебеля да люди, совершенно неспособные ни къ какой работѣ. Даже изъ безногихъ и калѣкъ на костыляхъ была набрана въ Альтдамиѣ партія въ 200 человѣкъ и отправлена на сидячія работы — плести корзины для снарядовъ и клеить пакеты.

До весны 1916 года русскіе унтеръ офицеры отправлялись на работы только по собственному желанію. Затѣмъ былъ данъ, повидимому, секретный приказъ—всѣми средствами принуждать унтеръ-офицеровъ „добровольно“ отправляться на работу. Мѣры воздѣйствія предоставлялись усмотрѣнію коменданта. Въ Бютовѣ унтеръ-офицеровъ стали гонять по занятія, т.-е. заставляли маршировать и дѣлать гимнастику, сначала въ теченіе четырехъ, потомъ пяти и шести часовъ.

За занятіями наблюдалъ германскій фельдфебель, откровенно заявившій плѣннымъ, что онъ ихъ заставитъ отправиться на работу.

Занятія эти, при недостаточной пищѣ, были такъ тяжелы, такъ изнурительны, что число „добровольно“ отправлявшихся на работу росло съ каждымъ днемъ.

Еще хуже обстояло дѣло въ небольшомъ лагерѣ Поблоцъ (на рѣкѣ Лебѣ). Въ Поблоцѣ унтеръ офицерамъ было объявлено, что они, какъ не работающіе, будутъ получать половинную порцію хлѣба и пищи и кромѣ того для нихъ были введены такія же занятія, какъ въ Бютовѣ.

Здѣсь унтеръ-офицеры держались крѣпче и не поддавались; тогда 9-го мая было устроено избіеніе по совершенно ничтожному поводу: многіе были изувѣчены *). Унтеръ-офицеры все-таки держались вплоть до октября 1916 года, когда ихъ привезли въ Хаммерштейнъ: здѣсь подъ угрозой разстрѣла удалось склонить ихъ къ работѣ.

---

*) Русскій врачъ былъ тогда же посаженъ комендантомъ подъ арестъ, за то что безъ его приказанія перевязывалъ и принималъ въ околотокъ избитыхъ плѣнныхъ.

Въ настоящей войнѣ безсовѣстно нарушены всѣ такъ называемые „законы и правила войны". Нарушаютъ ихъ, конечно, обѣ стороны, бросая бомбы въ лазареты и города, производя газовыя аттаки, топя торговыя суда, принуждая плѣнныхъ къ работамъ на фронтѣ, направленнымъ противъ ихъ же собственнаго отечества. Безспорно и то, что первой нарушительницей правилъ войны является Германія. Работа плѣнныхъ на фронтѣ начала примѣняться германцами, насколько я знаю, уже въ сентябрѣ 1914 года. Въ настоящее же время на фронтѣ работаетъ не менѣе полмилліона русскихъ военно-плѣнныхъ. Въ началѣ войны германцы оставляли партіи плѣнныхъ для работъ въ тылу своихъ войскъ. Плѣнные нагружали и разгружали поѣзда, поправляли шоссейныя дороги и мосты и т. д. Положеніе этихъ рабочихъ было сносно: ихъ кормили лучше, чѣмъ въ лагеряхъ.

Со второй половины 1915 го года въ лагеряхъ начали набираться „рабочіе батальоны" для работъ на фронтѣ. Въ каждомъ рабочемъ батальонѣ—четыре роты по 500 человѣкъ. Ротнымъ командиромъ является германскій унтеръ-офицеръ, а батальоннымъ—лейтенантъ.

Рабочіе батальоны отправлялись на русскій и французскій фронты, а также въ Сербію. Работы, къ которымъ ихъ принуждали, были не только хозяйственнаго, но и чисто военнаго рода.

Такъ 21-й рабочій батальонъ строилъ около Ковны укрѣпленія; 84-й—укрѣплялъ окрестности Митавы; 100 й, 101-й, 104-й—копали окопы и строили бетонныя убѣжища на французскомъ фронтѣ.

Въ германскомъ плѣну нѣтъ ничего страшнѣе рабочаго батальона. Плѣнные, попавшіе или назначенные въ батальоны, уже считаютъ себя погибшими. Не говоря о томъ, что условія

жизни рабочаго батальона невозможно плохи, что работа тамъ крайне тяжела, по отношенію къ нимъ германцами введена система убійственной эксплуатаціи, при которой нѣтъ мѣста никакимъ соображеніямъ человѣчности, есть только одна военная необходимость: плѣнныхъ много, смѣна изнемогшимъ найдется,— а жалости къ врагу и „сентиментальности" Германія не знаетъ и не хочетъ знать.

Рабочіе батальоны размѣщаются въ случайныхъ помѣщеніяхъ: въ какихъ-нибудь конюшняхъ, въ пустомъ, разрушенномъ помѣщичьемъ домѣ, въ сараѣ, иногда въ спеціально вырытыхъ землянкахъ. Отопленія имъ не полагается; если имѣются печки, то топить ихъ случайно найденными дровами запрещено; бани нѣтъ, мыла не выдается; платье и бѣлье тоже не выдается; обувь изнашивается и люди ходятъ босикомъ; матрацевъ не полагается, только кое-гдѣ выдаются стружки, или солома, никогда не мѣняющіяся и служащія только источникомъ грязи. Пища, очевидно, по раскладкѣ должна быть лучше, чѣмъ въ лагеряхъ: по крайней мѣрѣ полагается фунтъ хлѣба въ день, и даже двѣ ложки мармеладу въ недѣлю, но то, что выдается, совершенно недостаточно, — пища еще хуже, чѣмъ въ лагерѣ. Между тѣмъ работа очень трудная, продолжительная, сопровождающаяся неустаннымъ понуканіемъ. Германское начальство, со свойственнымъ ему лицемѣріемъ, въ области котораго нужно признать германцевъ геніальными мастерами, умѣетъ не видѣть всего того, что незаконно. Обычно офицеръ или саперъ-инструкторъ даетъ часовому, въ распоряженіи котораго находятся человѣкъ 10 — 15 плѣнныхъ, урокъ и говоритъ ему: „Вы будете отвѣтственны за исполненіе работы". Часовой понимаетъ скрытый смыслъ словъ начальника, т.-е. что работа должна быть исполнена во что бы то ни стало, къ какимъ бы средствамъ ни пришлось для этого прибѣгнуть; часовой заставляетъ плѣнныхъ работать, не разгибая спины, не давая ни минутной передышки; онъ безъ удержу сыплетъ ударами приклада, заставляя работать до полнаго изнеможенія.

День въ рабочихъ батальонахъ проходитъ такъ: будятъ людей въ 4 часа; выгоняютъ, выстраиваютъ для повѣрки, выдаютъ чай; затѣмъ отправляются на мѣсто работы, до котораго приходится пройти иногда 10 — 15 километровъ; въ 7 часовъ уже должна начаться работа, продолжающаяся до 11 ти часовъ; затѣмъ дается часъ отдыха; въ 12-ть часовъ опять начинается работа и продолжается до пяти; часамъ къ семи голодные, не ѣвшіе весь день, возвращаются въ казармы—получаютъ обѣдъ; и такъ каждый день, зимой и лѣтомъ, подъ дождемъ и въ морозъ; только въ воскресенье работаютъ полдня.

Письма и посылки почти не доходятъ въ батальонъ. Плѣнные въ немъ совсѣмъ отрѣзаны отъ міра и людей: общеніе съ населеніемъ строго преслѣдуется, германскіе солдаты настроены враждебно, отмалчиваются „смотрятъ какъ звѣри". Да и можно ли иначе смотрѣть на людей, которыхъ заставляешь надрываться надъ работой, къ которымъ не смѣешь проявить и тѣни сострадательнаго, „человѣческаго" отношенія: германецъ, да и всякій дисциплированный солдатъ, знаетъ твердо, что „Befehl ist Befehl", а общій Befehl по отношенію къ плѣннымъ, работающимъ въ батальонѣ, гласитъ безпощадно: „Die sollen arbeiten, nichts zu machen: est ist Kriegszeit!".

Холодно, голодно, темно, къ утру еще не проходитъ усталость, силы гаснутъ, не съ кѣмъ слова перемолвить, потому что всѣ товарищи озлоблены, утомлены, — такъ проходитъ день за днемъ въ этихъ подлинныхъ „батальонахъ смерти", и нѣтъ силъ даже убить себя — ускорить этотъ мучительно-медленный путь къ могилѣ!...

Обращеніе болѣе грубое и суровое, чѣмъ въ лагеряхъ. Есть цѣлый рядъ совершенно ненужныхъ и непонятныхъ жестокостей: почему-то строго запрещено мѣстнымъ жителямъ французамъ передавать плѣннымъ хлѣбъ и прочую провизію. Были случаи, что жители, очень сердечно относившіеся къ нашимъ плѣннымъ, бросали хлѣбъ проходившимъ партіямъ плѣнныхъ. Германецъ-часовой отнималъ хлѣбъ и растаптывалъ. Пришлось завертывать хлѣбъ въ тряпку „защитнаго" цвѣта грязи и класть его на дорогѣ, гдѣ пройдутъ плѣнные, но и эту уловку скоро узнали германцы.

Разъ въ недѣлю пріѣзжаетъ въ батальонъ германскій врачъ и признаетъ больными только умирающихъ, которыхъ никакими средствами и угрозами нельзя выгнать на работу. Ужасныя условія жизни, совершенно недостаточное питаніе при тяжеломъ напряженномъ трудѣ, надрываютъ силы человѣка въ нѣсколько недѣль. Каждое утро нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ остаются лежать въ казармѣ; ихъ пробуютъ поднять ударами; когда же убѣждаются, что плѣнный совсѣмъ ослабѣлъ и къ работѣ его принудить невозможно никакими средствами, его оставляютъ въ покоѣ умирать...

Въ дорогѣ 100-му батальону говорили часовые, что ихъ везутъ на постройку желѣзной дороги. Пригнавъ на мѣсто, утромъ раздали инструментъ и повели копать окопы; люди отказались. Крики и угрозы не помогли: плѣнные соглашались исполнять всякую работу, кромѣ окопной; ихъ повели назадъ, заперли въ казармѣ и не давали пищи и питья. На утро съ

отрядомъ солдатъ вошелъ офицеръ; черезъ переводчика онъ спросилъ: „Пойдутъ-ли на работу?“ Плѣнные снова отказались копать окопы, ихъ снова заперли и снова не дали пищи. Такъ продолжалось шесть дней. На седьмой день ихъ выгнали на площадь; тамъ стояла рота солдатъ и нѣсколько пулеметовъ. По командѣ прислуга стала къ пулеметамъ. Были сдѣланы всѣ приготовленія къ разстрѣлу. Офицеръ скомандовалъ: „Кто согласенъ работать, пусть отойдетъ вправо!“ И люди, измученные семидневнымъ голодомъ и страхомъ, покорились: вправо отошелъ одинъ, потомъ еще нѣсколько, затѣмъ и всѣ.

Сопротивленіе было сломлено: отъ работы больше не отказывались...

Въ Октябрѣ 1916-го года изъ лагеря Хаммерштейна было отправлено на французскій фронтъ три рабочихъ батальона: 100-й, 101 й и 104-й, въ составѣ шести тысячъ; черезъ пять мѣсяцевъ изъ этихъ трехъ батальоновъ былъ составленъ одинъ въ 800 человѣкъ; остальные погибли на мѣстѣ или были возвращены въ совершенно измученномъ состояніи въ лагерь. Почти у всѣхъ отъ ревматизма и отековъ отнялись ноги.

Однажды въ Хаммерштейнѣ въ весенній день я вышелъ изъ палаты лазарета въ корридоръ. Тамъ стояли у стѣны какіе-то люди. Я разсѣянно посмотрѣлъ на нихъ и, не понявъ въ чемъ дѣло, улыбнулся: они были одѣты въ лохмотья, въ какія-то самдѣльные опорки; одинъ стоялъ совершенно согнувшись, опираясь на палку, съ раздутымъ, какъ пузырь, лицомъ, на которомъ даже не видны были глаза; за нимъ стоялъ высокій человѣкъ, какъ баба повязанный суконкой, съ невиданно осунувшимся лицомъ и слабой, какой-то виноватой улыбкой; одни, съ отнявшимися ногами, не могли стоять; но особенно страшна была худоба другихъ: это были не человѣческія лица, а какія-то маски, въ которыхъ слабо тлѣлись остатки жизни и души.

Мнѣ говорилъ докторъ, что у этихъ людей, привезенныхъ изъ батальона, какія-то незнакомыя наукѣ болѣзни, потому что никогда не приходилось людямъ жить въ такихъ условіяхъ, въ какихъ жили эти плѣнные: отъ страшнаго истощенія получались злокачественные отеки всей нижней половины тѣла, развивались колоссальныя флегмоны и ноги, распухшія, какъ бревна, были налиты гноемъ...

Почти всѣ эти люди были безнадежно больны туберкулезомъ, и ни одинъ изъ нихъ въ условіяхъ плѣна не сможетъ выжить и вернуться домой.

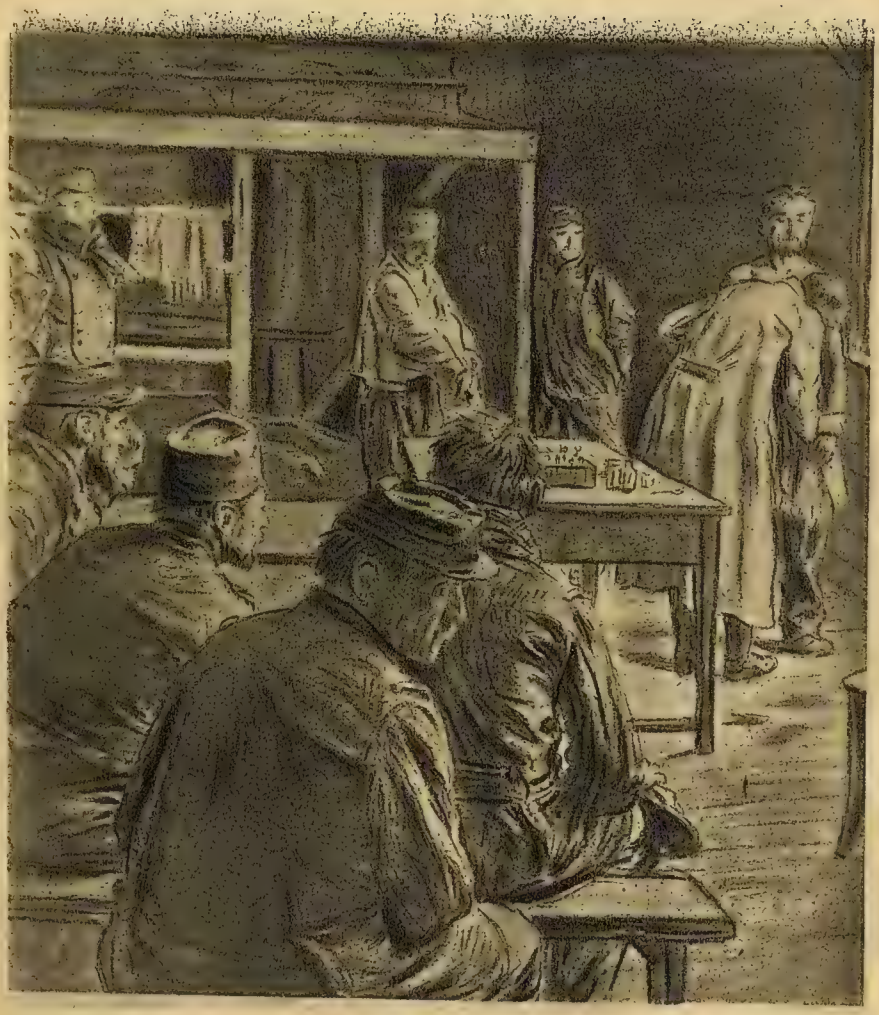
Наконецъ, по отношенію къ этимъ жертвамъ Германіи была допущена послѣдняя жестокость: въ іюнѣ 1917-го года было отдано распоряженіе, чтобы ни одинъ плѣнный, работавшій гдѣ-

либо на фронтѣ, не былъ отправленъ на родину въ качествѣ инвалида. Такъ думаютъ германцы скрыть слѣды своихъ преступленій! Изъ нѣсколькихъ сотъ больныхъ людей и калѣкъ, собранныхъ въ Альтдаммѣ, уже прошедшихъ всѣ комиссіи и дожидающихся отправки въ Россію, были выдѣлены около 150 человѣкъ, работавшихъ въ батальонахъ, и отправлены въ лагерь Вормсъ. Одинъ изъ нихъ, чахоточный, повѣсился, другой — неудачно пытался перочиннымъ ножемъ перерѣзать себѣ горло.

Я жилъ два года среди германцевъ. Я знаю, что они не какіе-то мифическіе „звѣри“, а люди какъ люди. И я не могу до сихъ поръ отдать себѣ отчета, какъ могло совершаться все то, что дѣлалось въ батальонахъ: вѣдь это длительное, безтрепетное замариваніе тысячъ людей страшнѣе и потопленія „Лузитаніи“ и всего подобнаго, страшнѣе чѣмъ еслибы всѣ эти плѣнные были бы сразу разстрѣляны: тутъ зло мгновенное, не дающее времени осознать и одуматься, а тамъ — полное нравственное отупѣніе, абсолютное безсердечіе, тянущееся мѣсяцы и годы.

И страшно подумать о томъ, что кончится война, забудется все сдѣланное во время ея, забудутся всѣ эти замученные люди и все пойдетъ по старому. „Въ Европѣ все благополучно, кровавое недоразумѣніе кончилось, да здравствуетъ культура и цивилизація!“.

Нельзя забыть, забыть позорно, да и опасно, какъ опасно съ исчезновеніемъ внѣшнихъ симптомовъ забыть о болѣзни, все еще разъѣдающей тѣло!..



На пріемѣ въ лагерномъ околодкѣ

Германцы считаютъ, что въ ихъ рукахъ находится около полутора милліона русскихъ военно-плѣнныхъ. Если вся Германія такъ же густо заселена плѣнными, какъ тѣ области ея, которыя мнѣ пришлось видѣть, т.-е. Восточная и Западная Пруссія и Померанія, то это число едва-ли преувеличено. На поляхъ вездѣ работаютъ плѣнные, всѣ возы, встрѣчаемые по дорогамъ, управляются плѣнными; они же поправляютъ шоссе, рубятъ лѣса и осушаютъ болота; въ городахъ на фабрикахъ и заводахъ всѣ черныя работы производятся плѣнными. Они же въ громадномъ количествѣ работаютъ въ тылу фронтовъ и на шахтахъ. Навѣрное, у многихъ возникаетъ недоумѣнный и недружелюбный вопросъ: „Зачѣмъ же плѣнные работаютъ на врага? Вѣдь безъ ихъ работы Германія не могла бы ни одного дня продолжать войну!“ Кто захочетъ вдуматься въ душевное состояніе человѣка, униженнаго и забитаго такъ, какъ забиты русскіе плѣнные въ Германіи, тотъ найдетъ отвѣтъ....

Вспомните, что они голодаютъ, не день и не два, а годъ, два, многіе—три года; кто пережилъ такой голодъ, тотъ знаетъ, какъ слабѣетъ воля передъ каждой возможностью насыщенія, а на работахъ все-таки кормятъ или обѣщаютъ кормить лучше, чѣмъ въ лагерѣ. Войдите въ душу человѣка, попавшаго въ чужую страну, непонятную ему, издерганнаго непрестанными побоями и угрозами оружіемъ: онъ долженъ чувствовать себя совершенно потерянымъ. Отъ дома онъ оторванъ; вернуться на родину почти нѣтъ надежды. Окружающіе товарищи такъ же голодны, озлоблены и растеряны. Ему негдѣ найти опоры ни внѣ, ни въ себѣ: вѣдь русскій военно-плѣнный, русскій солдатъ, силой былъ приведенъ на войну, совершенно непонятную и ненужную ему; въ прошломъ у него—темная жизнь

раба и застарѣлое наслѣдственное недовольство; у него нѣтъ никакого патріотизма и чувства родины, кромѣ воспоминаній о семействѣ и родной деревнѣ.

Трудная и отвѣтственная роль героя міровой войны рѣшительно не по плечу ему!

Вѣдь это только газеты называютъ его „чудо-богатыремъ“ и „сверхъ-героемъ“: онъ просто темный обездоленный человѣкъ, котораго тащили, то въ участокъ, то на арену міровой борьбы. Въ головѣ у него путаница и неясность: онъ весь во власти внѣшнихъ условій и случайныхъ побужденій. Иногда онъ способенъ къ проявленію огромной душевной силы, къ подвигамъ былиннаго масштаба; иногда онъ охваченъ паникой, малодушенъ и самоувѣренно озлобленъ. Въ плѣну порой онъ приводитъ въ бѣшенство германцевъ своимъ тихимъ, каменнымъ упорствомъ а чаще онъ растерянъ, покоренъ и безличенъ...

Можно-ли въ слабости обвинять солдатъ, когда интеллигенція, даже доктора, казалось бы, защищенные Краснымъ Крестомъ, въ гнетущихъ условіяхъ германскаго плѣна принуждены молчать и покоряться, и молятъ судьбу только о томъ, чтобы ихъ не трогали!

Чтобы наглядно представить себѣ атмосферу германскаго плѣна, вспомните нашъ старый полицейскій режимъ въ его серьезныя минуты — при военномъ положеніи, усильте его германскими національными чертами, достаточно проявившими себя въ эту войну, перенесите его въ условія войны и взаимнаго истребленія—это и будетъ нѣчто подобное германскому плѣну!

Плѣннымъ не дается ни на одинъ часъ уйти отъ страха и угнетенія; съ ними не разговариваютъ, а орутъ на нихъ во все горло крикомъ, похожимъ на собачій лай, тѣмъ особымъ терроризующимъ крикомъ, который культивируется въ прусскихъ казармахъ. Описать этотъ крикъ недостаточно, его надо слышать.

Съ плѣнными охотно разговариваютъ, но до тѣхъ поръ только, пока у нихъ не вырвется какое-нибудь слово, осуждающее Германію, или сомнѣніе въ ея непобѣдимости. Въ такомъ случаѣ лицо германскаго собесѣдника наливается кровью, кулаки сжимаются; онъ грозно водитъ пальцемъ передъ лицомъ плѣннаго и не стыдится ударить человѣка, съ которымъ только что мирно бесѣдовалъ. Плѣннымъ, какъ говорится, „не даютъ пикнуть“: не довольствуясь внѣшнимъ подчиненіемъ, германцы требуютъ покорности внутренней, раболѣпія передъ Германіей и всѣмъ германскимъ.

Съ 1-го мая 1917 года русскіе военноплѣнные въ Германіи поставлены въ положеніе полнаго безправія и юридической

беззащитности. Весной 1917-го года не разъ появлялись офиціальныя сообщенія о необходимости тщательнаго наблюденія за военноплѣнными, особенно русскими и французами, будто бы получившими отъ своихъ правительствъ инструкціи — всѣми средствами вредить Германіи: производить поджоги, отравлять и калѣчить скотъ, ломать сельскохозяйственныя машины, распространять заразныя болѣзни, вырѣзать глазки у картофеля и т. д.

1-го мая плѣннымъ былъ объявленъ приказъ, что каждый, кто тѣмъ или инымъ путемъ причинитъ ущербъ германскому военному и народному хозяйству, будетъ судимъ и казненъ „за измѣну въ военное время". Такая же кара постигнетъ тѣхъ, кто зная о подобномъ умыслѣ не донесетъ военнымъ или гражданскимъ властямъ.

Отъ всѣхъ плѣнныхъ, даже отъ тяжело больныхъ въ лазаретахъ, была взята подписка въ томъ, что имъ приказъ объявленъ.

Такимъ образомъ съ этого дня плѣнные, находящіеся на работахъ, отданы всецѣло на произволъ населенія и часовыхъ. Каждая случайная поломка, каждая неловкость на работѣ можетъ повлечь за собой обвиненіе въ саботажѣ, военный судъ и суровый приговоръ.

Становясь рабомъ и работникомъ германца, русскій солдатъ, за очень немногими исключеніями, не становится его холопомъ. Покорный внѣшне, онъ внутренно отвѣчаетъ ненавистью, слѣпой, неукротимой, подчасъ взрывающейся въ кошмарно-дикихъ преступленіяхъ.

Бываютъ случаи убійства выведенными изъ терпѣнія людьми цѣлыхъ хозяйскихъ семействъ, часовыхъ, случаи поджоговъ и т. д. Хроника германскихъ газетъ изрѣдка отмѣчаетъ такіе случаи.

Каждый годъ съ наступленіемъ теплаго времени начинаются побѣги плѣнныхъ. По германской офиціальной статистикѣ за лѣто 1916-го года совершено плѣнными свыше 70 тысячъ побѣговъ. Изъ лагерей убѣгаютъ мало, зато съ вольныхъ работъ весной убѣгаютъ чуть-ли не всѣ. Обычно бѣглецы мало заботятся о маршрутѣ: тянутся на востокъ такъ же безсознательно, какъ птицы осенью на югъ. Днемъ бѣглецы, такъ называемые „летчики", прячутся въ лѣсахъ, во ржи, въ какихъ-нибудь постройкахъ, ночью небольшими группами идутъ вдоль дорогъ, варятъ картошку въ укромныхъ мѣстахъ, добываютъ себѣ пропитаніе.

Такое путешествіе продолжается иногда цѣлые мѣсяцы, пока несчастный случай не приведетъ въ руки лѣсника или

часового. Пойманныхъ „летчиковъ“ часто избиваютъ до полусмерти. Особенно жестоко бьютъ въ Торнѣ: прогоняютъ сквозь строй солдатъ, вооруженныхъ палками.

Въ 1915 году въ лѣсахъ Гродненской и Сувалкской губерній жили многочисленныя шайки бѣглецовъ. Они при поддержкѣ мѣстнаго населенія причиняли много хлопотъ и непріятностей германцамъ; противъ нихъ принимались очень строгія мѣры: населенію за сношеніе съ русскими солдатами угрожали смертной казнью. Бѣглыхъ плѣнныхъ, у которыхъ находили при поимкѣ оружіе, или захваченныхъ въ полосѣ, близкой къ германскимъ позиціямъ, военный судъ приговариваетъ въ послѣднее время къ разстрѣлянію. О приведеніи въ исполненіе ряда подобныхъ приговоровъ я читалъ въ офиціальной германской газетѣ, издающейся въ Лодзи.

„Летчики“ часто проявляютъ поразительную выносливость и упорство, бродятъ по нѣсколько дней безъ пищи или кормясь колосьями и птичьими яйцами, проводятъ ночи безъ крова подъ осенними дождями. Губятъ ихъ чаще всего нѣкоторыя предвзятыя убѣжденія, прочно сидящія въ головѣ русскаго плѣннаго.

Прежде всего онъ увѣренъ, что каждый полякъ, хотя бы и германскій, является другомъ: услыша польскій говоръ, „летчики“ довѣрчиво вылѣзаютъ изъ своего убѣжища — и чаще всего попадаютъ въ лапы мнимыхъ друзей.

Хотя хроника побѣговъ показываетъ, что легче всего бѣжать черезъ море, „летчики“ упорно тянутся за нѣсколько сотъ верстъ къ фронту: морской переѣздъ кажется имъ чѣмъ-то крайне гибельнымъ.

Неукротимыхъ „летчиковъ“, среди которыхъ есть пытавшіеся бѣжать по пяти и болѣе разъ, собираютъ въ особые „штрафные“ лагеря: Сидовъ, Менсдорфъ, Франкфуртъ, Лишницъ и т. д. Эти карательные лагеря отличаются отъ обычныхъ тяжестью работъ и офиціально допущенными тѣлесными наказаніями.

Вся полуторамилліонная масса плѣнныхъ русскихъ солдатъ живетъ приблизительно одними чувствами и мыслями, одной мечтой; вѣчной темой разговоровъ является миръ. Плѣнные такъ же жаждутъ мира, какъ и германцы, съ той только разницей, что германцы ждутъ мира отъ соглашенія съ Россіей; плѣнные же, вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что каждый мѣсяцъ войны уноситъ десятки тысячъ ихъ товарищей, что если война продлится еще годъ, то ни одному изъ нихъ не суждено вернуться на родину, все же ждутъ мира только послѣ побѣды надъ Германіей.

Всѣ соприкасающіеся съ плѣнными германцы неустанно стараются внушить имъ уваженіе къ германской культурѣ, вызвать въ плѣнныхъ восхищеніе ею и даже зависть при сравненіи со своей бѣдной и сумбурной родиной. Это плохо удается: ненависть къ этой культурѣ крѣпко засѣла въ сердцахъ плѣнныхъ, даже и не понимающихъ отчетливо, въ чемъ она состоитъ. „Культура“ — стало у плѣнныхъ ругательнымъ словомъ.

Въ понятіе „культуры“ они вкладываютъ германское самодовольство, черствость, германскую воинственность, богатство и устройство внѣшнее при скудости и грубости внутренней,

— Людей голодомъ морятъ... а еще культура...

— Тутъ, братъ, пощады не проси: вишь, какая тутъ культура! — слышится отъ какихъ-нибудь казанскихъ или томскихъ земляковъ...

Виноваты въ этомъ сами же германцы и созданныя ими условія жизни въ плѣну, дѣлающія каждаго испытавшаго ихъ непримиримымъ, смертельнымъ врагомъ Германіи.

Легко простить и примириться съ голодомъ: мы видѣли, что голодаетъ, хотя и не такъ, какъ плѣнные, само германское населеніе; легко было бы забыть всѣ личныя обиды, простить изнурительную тяжесть работы и всѣ другія лишенія: суровая необходимость войны ясна всѣмъ и участь плѣнныхъ ни въ одной странѣ не можетъ быть легкой.

Пусть на войнѣ видятъ во вражескихъ солдатахъ только враговъ; пусть „патріотическій пылъ“, неспособный сдержать себя, проявляется иногда и на побѣжденныхъ и обезоруженныхъ врагахъ—на плѣнныхъ. Но въ Германіи, за всѣ три года войны, каждый—солдатъ, ребенокъ, женщина, старикъ—видѣлъ въ насъ, плѣнныхъ — больныхъ, измученныхъ, умирающихъ, только враговъ...

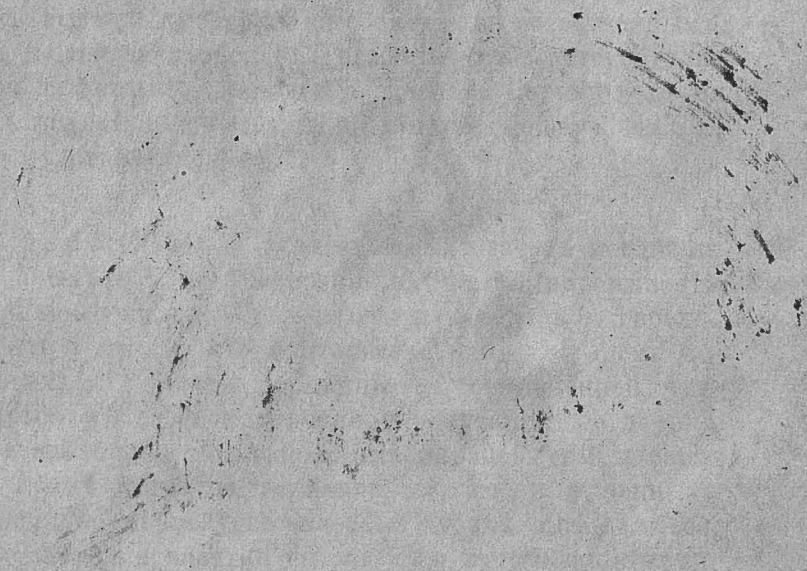
Чтобы вести войну, нужно надѣть броню не только на тѣло, но и на душу. Однако, если душа еще не утратила своей человѣчности,—изъ-подъ воинственной брони должно слышаться біеніе сердца, изъ-подъ боевого шлема должны видѣться человѣческіе глаза. Германскій народъ, надѣвъ броню, наглухо забронировалъ свою душу: онъ вызвалъ этимъ неутолимую ненависть однихъ, отвращеніе, странно связанное съ какой-то жалостью, другихъ. Какъ бы ни кончилась война — пройдутъ года и Германія отрезвится отъ своего воинственнаго задора: тогда новые люди ея со стыдомъ и болью взглянутъ на безчисленныя могилы плѣнныхъ и покроютъ позоромъ то страшное время, когда народъ ихъ, стремясь снарядами и удушливыми газами поставить себя выше всѣхъ, сталъ ниже, жесточе, бездушнѣе всѣхъ народовъ, когда-либо населявшихъ землю!..

Мнѣ часто приходится слышать теперь, что Россія должна платить германцамъ ихъ же монетой, что военно-плѣнныхъ въ Россіи нужно поставить въ такія же условія, въ какихъ находятся русскіе военно-плѣнные въ Германіи. Противъ этихъ голосовъ мнѣ хочется возразить. Конечно, давать плѣннымъ такое праволье, какимъ они пользуются у насъ въ Россіи, несправедливо и опасно: вѣдь германцы, какими бы покорными они ни прикидывались, останутся врагами до послѣдней капли крови; оправдать оказываемое имъ въ Россіи довѣріе они едва-ли захотятъ: мягкое отношеніе со стороны русскихъ варваровъ къ нимъ, людямъ высшей культуры, они считаютъ естественнымъ. Пытаться же намъ сравняться съ Германіей въ жестокости по отношенію къ плѣннымъ—безполезно. Догнать Германію въ ея современномъ нравственномъ отупѣніи мы не сможемъ, да и не нужно къ этому стремиться!

Сейчасъ въ Россіи много всевозможныхъ заботъ и едва-ли кто, кромѣ родныхъ и близкихъ военно плѣнныхъ, вспоминаетъ объ этомъ милліонѣ людей, обреченныхъ на медленную гибель. Но можетъ быть у печати и правительства найдется время позаботиться о нихъ. Сейчасъ германцы съ болѣзненной чуткостью относятся къ своей испорченной репутаціи: не даромъ германскія газеты полны всевозможныхъ опроверженій и самовосхваленій; кромѣ того на германцевъ, хоть и упоенныхъ своей силой, сильно дѣйствуетъ властный окрикъ. Мнѣ кажется, стоитъ только твердо и властно указать, что замучиваніе плѣнныхъ никогда не будетъ забыто и прощено Германіи, и это подѣйствуетъ лучше всякихъ репрессалій.

Нужно потребовать, чтобы плѣнные, доведенные до извѣст-

ной степени истощенія, не посылались больше на работу, чтобы обмѣнъ инвалидовъ производился безъ соблюденія взаимности: кто виноватъ, что Германія дѣлаетъ изъ русскихъ военно-плѣнныхъ сотни тысячъ инвалидовъ, а Россія съ трудомъ набираетъ ихъ тысячи. Нужно требовать, чтобы защита правъ военно-плѣнныхъ была передана въ руки независимыхъ нейтральныхъ представителей, имѣющихъ право дѣйствительнаго, а не только показного, контроля.

Я считаю своимъ долгомъ заявить и каждый, вернувшійся ивъ германскаго плѣна, подтвердитъ это, что если условія жизни въ плѣну не будутъ улучшены, Россія изъ полутора милліона своихъ сыновей получитъ назадъ всего нѣсколько тысячъ инвалидовъ.

БИБЛІОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№
19 г.